

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Резникова Татьяна Исидоровна

**НЕСТАНДАРТНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ
В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2023

Работа выполнена в Школе лингвистики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже девять статей. В пяти из них Т.И. Резникова является первым автором или автором-корреспондентом, в одной – единственным автором. Все статьи напечатаны в журналах, входящих в базу данных Scopus или в списки рекомендованных журналов НИУ ВШЭ.

1. Печникова В. М., Резникова Т. И. *Чистая* типология: о лексикализации семантики чистоты в славянских языках // Slavistična Revija. 2021. Т. 69. № 1. С. 103-120.
Scopus Q2, ВШЭ Список С
2. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3-31.
Scopus Q4, ВШЭ Список В
3. Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. Типология метафор падения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI (1). С. 64-112.
ВШЭ Список D
4. Резникова Т. И. Глаголы прятания: типология систем // Вопросы языкознания. 2022. № 4. С. 66-94.
Scopus Q2, ВШЭ Список В
5. Резникова Т. И., Мерданова С. Р. *Как языку обойтись без глаголов падения*: семантическое поле неконтролируемого перемещения вниз в агульском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI (1). С. 757-785.
ВШЭ Список D
6. Резникова Т. И., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI (1). С. 9-63.
ВШЭ Список D
7. Plungian V., Rakhilina E. V., Reznikova T. Perfective, performative and present: Some non-standard combinations in Slavic and beyond // Russian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 26. No. 4. P. 1012-1030
Scopus Q1, ВШЭ Список В
8. Reznikova T., Rakhilina E. V., Bonch-Osmolovskaya A. A. Towards a typology of pain predicates // Linguistics. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 421-465.
Scopus Q1, ВШЭ Список А
9. Sherstyuk A., Reznikova T. Semantic Continuity in a Cross-Linguistic Perspective: Evidence from Slavic Verbs of Pulling and Pushing // Jezikoslovni Zapiski. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 55-67.
Scopus Q2, ВШЭ Список В

Результаты исследований по теме диссертации также представлены в следующих статьях:

10. Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бородин М. А. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 10. С. 242-255.
ВШЭ Список D
11. Резникова Т.И. О развитии абстрактной семантики: глаголы ‘делать’ в диахронической перспективе // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 48-56.
ВШЭ Список D
12. Резникова Т.И. Корпуса славянских языков в интернете: Обзор ресурсов // Welt der Slaven, 2008. LIII. С. 10-38.

Scopus Q4, ВШЭ Список А

13. Резникова Т.И., Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Глаголы боли в свете Грамматики конструкций // Научно-техническая информация Серия 2. Информационные процессы и системы. 2008, №4. С. 7-15.

ВШЭ Список D

14. Шерстюк А. Ю., Резникова Т. И. О семантической непрерывности: поле 'толкать' в славянских языках // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 21-33.

ВШЭ Список D

15. Rakhilina E., Reznikova T., Shemanaeva O. Dealing with Polysemy in Russian National Corpus: the Case of Adjectives // Bosch, Peter; Gabelaia, David; Lang, Jérôme (Eds.) Logic, Language, and Computation. LNCS, LNAI, Vol. 5422. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. P. 69-79.

Scopus Q2

16. Bonch-Osmolovskaya A., Rakhilina E., Reznikova T. Conceptualization of Pain: a Database for Lexical Typology // Bosch, Peter; Gabelaia, David; Lang, Jérôme (Eds.) Logic, Language, and Computation. LNCS, LNAI, Vol. 5422. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. P. 110-123.

Scopus Q2

Апробация работы

Основные положения и результаты исследования обсуждались в 2010–2022 гг. на 37 международных и национальных конференциях и семинарах, в их числе:

1. Сентябрь 2010, Карлов университет (Прага, Чехия) –Sixth International Conference on Construction Grammar (ICCG-6). Доклад: «Rebranding: When constructions change dramatically» («Ребрендинг: О кардинальной перестройке конструкций») (соавтор – Е.В. Рахилина).
2. Октябрь 2010, Brown University (Провиденс, США) – The Tenth Annual Conference of the Slavic Cognitive Linguistics Association (SCLC-2010). Доклад: «Polysemy Patterns in Russian Adjectives: Lexicon and Grammar» («Модели полисемии русских прилагательных: словарь и грамматика») (соавторы – Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян).
3. Май 2011, Бекасово – Диалог-2011. Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. Доклад: «Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях)» (соавторы – О.С. Карпова, Е.В. Рахилина, Д.А. Рыжова).
4. Сентябрь 2011, Экс-ан-Прованс (Франция)– Sixth Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society. Доклад: «Polysemy patterns in Russian adjectives: a corpus-oriented database» («Модели полисемии русских прилагательных: корпусно-ориентированная база данных») (соавторы – Е.В. Рахилина, О.С. Карпова, М.В. Кюсева, Д.А. Рыжова).
5. Июль 2011, Сиань (Китай) – 11th International Cognitive Linguistics Conference (ICLC 11). Доклад: “Physical and Emotional Pain: Metaphors, Metaphtonymies and Grammaticalization” («Физическая и душевная боль: метафоры, метафтонимии и грамматикализация») (соавторы – Е.В. Рахилина, А.А. Бонч-Осмоловская).
6. Май-июнь 2012, Бекасово – Диалог-2012. Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. Доклады: «Verbs describing sounds of inanimate objects: towards a typology» («Глаголы, описывающие звуки неодушевленных объектов: к построению типологии») (соавторы – Е.В. Кашкин, Е.К. Павлова, Е.С. Лучина); «Constructing a lexico-typological database (for a study of pain predicates)» (О создании лексико-типологической базы данных (для исследования предикатов боли)») (соавторы – А.В. Костыркин, А.С. Панина, А.А. Бонч-Осмоловская).
7. Июнь 2012, Калининград – Пятая международная конференция по когнитивной науке. Доклад: «Тонкий запах, нежный вкус: о лингвистической иерархии перцептивных каналов» (соавторы – Е.В. Рахилина, М.В. Кюсева, Д.А. Рыжова).
8. Сентябрь 2012. Гранада (Испания) – III Coloquio internacional sobre tipología léxica (LEXT-III). Доклад – «Атрибутивы как источники грамматикализации: лексемы со значением 'прямой' / 'прямо' в типологической перспективе» (соавторы – Е.С. Лучина, И.А. Стенин).

9. Август 2013, Лейпциг (Германия) – 10th Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT-10). Доклад – «‘Wet’ and ‘dry’: a cross-linguistic study» («‘Мокрый’ и ‘сухой’: типологическое исследование») (соавтор – В.А. Круглякова).
10. Декабрь 2014, Хельсинки (Финляндия) – Конференция по когнитивной семантике и лексической типологии. Доклады – «Глаголы звуков неодушевленных объектов: перспективы построения типологической базы данных» (соавторы – Е.В. Кашкин, С.О. Никифорова); Фреймовый подход к лексической типологии (соавтор – Е.В. Рахилина).
11. Март 2015, Воронеж - Международная научная конференция «Проблемы компьютерной лингвистики». Доклад – «Компьютерные перспективы лексико-типологических исследований» (соавтор – Б.В. Орехов).
12. Июль 2015, Ньюкасл (Великобритания) – 13th International Cognitive Linguistics Conference (ICLC13). Доклад: «Physical qualities: Typological patterns of lexicalization» («Физические признаки: типологические модели лексикализации») (соавтор – Е.В. Рахилина).
13. Май 2017, Париж (Франция) – International Workshop “Neglected Aspects of Motion Event Description”. Доклад – «Neglected Aspects of Falling» («Неучтенные аспекты падения») (соавторы – Е.В. Рахилина, Д.А. Рыжова).
14. Июль 2017, Тарту (Эстония) – 14th International Cognitive Linguistics Conference (ICLC14). Доклады – «*Outstanding Design, Awful Fatigue: Qualitive Words as Sources for Quasi-grammatical Meanings*» («*Выдающийся дизайн, ужасная усталость: качественные признаки как источник грамматикализации*») (соавторы – Е.В. Рахилина, Д.А. Рыжова); «Verbs of object extraction: a typological account» («Глаголы извлечения объекта: типологический обзор») (соавтор - К.А. Багдасарян).
15. Ноябрь 2017, Санкт-Петербург – Научный семинар по глаголам падения в языках мира. Доклады – «Сравнительный анализ глаголов падения в немецком и идиш» (соавтор – И.С. Левин); «Глаголы падения в агульском языке» (соавтор – С.Р. Мерданова); «Падение: теория и типология» (соавтор – Е.В. Рахилина).
16. Март 2019, Стокгольм (Швеция) – International Workshop “Verbs of falling in languages of the world”. Доклады – «Metaphors of falling cross-linguistically» («Метафоры падения в типологической перспективе») (соавторы – Е.В. Рахилина, Д.А. Рыжова); «Exotic systems of falling: the case of Aghul» («Экзотические системы падения: данные агульского языка»).
17. Сентябрь 2019, Павия (Италия) – 13th Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT-13). Доклад – «Falling cross-linguistically: lexical systems and taxonomic issues» («Падение в типологической перспективе: лексические системы и вопросы таксономии») (соавторы – Е.В. Рахилина, Д.А. Рыжова).
18. Март 2020, Хельсинки – Международный воркшоп по лексической типологии. Доклады – «Семантическое поле 'искать-находить' в типологической перспективе» (соавтор – Д.А. Рыжова); «К вопросу о смежности семантических полей: зона 'прятать' в типологической перспективе».
19. Октябрь 2020, Москва – National Congress On Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics (CAICS 2020). Онлайн-доклад – «Semantic Continuity: Evidence from Lexical Typology» («Семантическая непрерывность: лексико-типологические свидетельства») (соавтор – Д.А. Рыжова).
20. Ноябрь 2020, CNRS – Sorbonne Nouvelle – INALCO (Париж, Франция) – Научный семинар «Lexical typology across time and space». Онлайн-доклад: «To strive for lexical typology: to seek, to find (and not to yield)» («Борьба за лексическую типологию: искать, найти (и не сдаваться)») (соавторы – Е.В. Рахилина, Д.А. Рыжова).
21. Ноябрь 2021, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, НИУ ВШЭ, Университет Ниццы София Антиполис (Франция), Университет Гранады (Испания), Университет Святых Кирилла и Мефодия (Словакия) – Международный научный семинар «Наука о языке и корпусные технологии». Онлайн-доклады – «Лексическая типология и семантические карты»; «Типология глаголов со значением ‘менять’».
22. Апрель 2022, НИУ ВШЭ (Нижний Новгород) – Конференция «Корпусные технологии и компьютерные науки в гуманитарном знании (КонКорт-2022)». Доклад – «Корпусные методы в лексической типологии» (соавтор – Д.А. Рыжова).
23. Ноябрь 2022, Казанский федеральный университет – Конференция «Языковая вариативность и различия между языками: методы качественной и количественной оценки, современные

корпусные и статистические методы как инструмент изучения диахронических изменений в языке». Доклад – «Глаголы поля “прятать” в типологической перспективе». Всего по теме диссертационного исследования было сделано 54 доклада на русском, английском и французском языках.

Ряд исследовательских проектов, связанных с темой диссертации соискательницы, в которых участвовала или которыми руководила Т.И. Резникова, был поддержан грантами российских научных фондов:

- 2020–2022 проект «Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте» (грант РФФИ 20-012-00240);
- 2017–2019 проект «Комплексное лексико-типологическое исследование поля падения и смежных концептов» (грант РФФИ 17-06-00184);
- 2014–2016 проект «Научно-информационный портал по признаковой лексике: физические свойства в языках мира» (грант РФФИ 14-06-00343);
- 2014–2015 научно-учебная группа «Лексико-типологические исследования» (проект поддержан Научным фондом НИУ ВШЭ);
- 2011–2013 проект «Типологически ориентированная база данных: лексическая организация качественных признаков» (грант РФФИ 11-06-00385-а).

1. Введение

В теоретической семантике обычно изучается два вида переносных значений: метафоры и метонимии. Традиционно они противопоставляются как переходы, соответственно, по сходству и по смежности. В когнитивной парадигме, во многом заложившей основы современного подхода к метафоре и метонимии (ср., в частности, работы Дж. Лакова, З. Кевечеша, У. Крофта и др.), это противопоставление было уточнено: метафора здесь понимается как сдвиг через границы семантического поля (т.е. производное значение принадлежит другому семантическому полю, чем исходное), тогда как метонимия наблюдается внутри одного поля.

Статьи, включенные в настоящую диссертацию, посвящены семантическим сдвигам, которые отклоняются от описанных моделей. В принципе исследователям, занимающимся историей слов, вполне очевидно, что далеко не все процессы в семантической эволюции лексики сводимы к метафоре или метонимии. Изменения в значении могут быть обусловлены факторами самой разной природы – например, фонетической близостью с другим словом, влиянием заимствованной лексемы, изменением социальных или бытовых реалий, культурно значимыми ассоциациями и др. Все эти случаи, как правило, индивидуальны: они важны для диахронического описания отдельных лексем, но не представляют особого интереса для семантической теории.

Между тем, собственно семантические процессы тоже могут вести к значениям, не вписывающимся в метафорический и метонимический канон. Действительно, в классификациях семантических сдвигов начиная еще с работ второй половины XIX в. (см., например, [Paul 1880, Darmesteter 1887, Bréal 1897]) в одном ряду с метафорой и метонимией нередко называются и другие типы изменений, в частности, расширение (генерализация) и сужение (специализация) значения. В более поздних исследованиях классификации становятся еще детальнее: в качестве самостоятельных типов выделяются, например, конверсия, переход между согипонимами, развитие оценочных значений и др., ср. наиболее подробные перечни в [Blank 1999] и [Апресян и др. 2019]. Интересно, однако, что эти «дополнительные» сдвиги не привлекают к себе внимания исследователей с точки зрения «механики» перехода. Действительно, если метафора и метонимия послужили основой для разнообразных теоретических конструктов, моделирующих их действие (ср. [Lakoff & Johnson 1980, Lakoff 1987, Fauconnier & Turner 1998, Peirsman & Geeraerts 2006, Падучева 2004]), то другие типы переходов – скажем, генерализация или специализация – не анализируются с точки зрения стоящих за ними семантических процессов, для них обычно лишь фиксируются начальное и конечное значения лексемы.

Такое теоретическое «неравноправие» может быть вызвано несколькими причинами. Во-первых, на фоне бесчисленных примеров метафоры и метонимии, встречающихся в работах самой разной тематики, и перечней регулярных моделей, которым они следуют, не может не удивить крайняя ограниченность примеров, известных для переходов других типов. В частности, процессы расширения и сужения значения, которые чаще других «дополнительных» сдвигов попадают в общие классификации, иллюстрируются, как правило, однотипными переходами, связанными прежде всего с биологическими таксономиями, а также с некоторой другой предметной лексикой, ср. повторяющиеся от работы к работе случаи сужения: англ. *deer* ‘дикое животное’ → ‘олень’, англ. *hound* ‘собака (любой породы)’ → ‘гончая’, англ. *meat* ‘еда’ → ‘мясо’, и расширения: немецк. *Tier* ‘дикое животное’ → ‘любое животное’, англ. *dog* ‘собака определенной породы’ → ‘собака (любой породы)’.

Скудность иллюстративного материала, с одной стороны, вполне объяснима, ведь генерализация и специализация в классическом смысле предполагают переход, соответственно, вверх или вниз по таксономическому дереву, т.е. от гипонима к гиперониму или обратно, а в предметной лексике, и особенно в обозначениях биологических родов и видов, гипо-гиперонимические отношения прослеживаются как раз лучше всего. С другой стороны, эта ограниченность материала закономерно наводит на мысль о периферийности самого явления, так что доминирование метафоры и метонимии в исследованиях механизмов семантических сдвигов как будто соотносится с их главенствующей ролью в процессах семантической деривации. Между тем, если расширение или сужение значения понимать как, соответственно, утрату или добавление семантических компонентов (ср. аналогичный подход в [Апресян и др. 2019]), то круг явлений, которые охватывают эти сдвиги, явно окажется

значительно шире – но точно оценить их масштаб можно будет только после проведения «сплошного» описания всех семантических переходов для обширного языкового материала.

Во-вторых, причиной повышенного внимания к метафоре и метонимии мог стать особый взгляд на природу семантических сдвигов. Если в некоторых классификациях, как мы уже отмечали, метафора и метонимия включаются в один ряд с расширением, сужением, конверсией и др., то в других источниках этот перечень разделяется на два класса явлений: к одному относятся как раз метафора и метонимия – они признаются механизмами семантического сдвига, во второй же попадают генерализация, специализация или изменение оценочной семантики – они считаются результатами сдвига (см., например, [Ullmann 1967]). При таком подходе получается, что многообразие типов, зафиксированное в существующих классификациях, определяется лишь разным соотношением начального и конечного значений, а возникает это многообразие за счет действия хорошо известных метафорических и метонимических процессов, так что не случайно именно метафора и метонимия оказываются в фокусе исследований по семантической деривации в динамическом аспекте.

В целом такое разграничение процесса и результата кажется довольно спорным: неясно, можно ли объяснить расширение или сужение значения через стандартные механизмы метафоры или метонимии. Тем не менее отдельные типы переносов, входящие в подробные перечни, действительно вполне вписываются в канон, как, скажем, конверсия: этот сдвиг (по крайней мере в понимании В.Ю. Апресян и ее коллег [Апресян и др. 2019], ср. их пример *выменять свое новое платье на туфли* ↔ *выменять платье на свои новые туфли*) хорошо укладывается в представление о метонимии как смещении фокуса внимания, см. [Падучева 2003].

Вероятно, и другие факторы могли в конечном итоге привести к особому положению метафоры и метонимии – к тому, что переходы, результат которых не является метафорическим или метонимическим переосмыслением исходного значения, остаются на периферии современных исследований семантической деривации, тогда как статус базовых и стандартных переходов прочно закрепился за метафорой и метонимией. Имея в виду этот научный расклад, мы будем в нашей работе называть нестандартными те сдвиги, которые не сводятся к действию одного из двух базовых семантических механизмов.

Проблематика нестандартных переходов активно обсуждается в теоретической литературе последних десятилетий начиная со статьи [Goossens 1990], но применительно лишь к одному классу случаев. Показательно, что эти случаи опять же связаны с метафорой и метонимией – нестандартность здесь обусловлена совмещением двух основных механизмов сдвига, ср. введенный Л. Гуссенсом термин «метафтонимия», представление о «реметонимизации» метафоры в [Riemer 2002], о метонимически мотивированных метафорах и метафорически мотивированных метонимиях в [Barcelona 2000]. Существенно, однако, что подобные преобразования, во-первых, предполагают последовательное действие (в том или ином порядке) метафоры и метонимии, т.е. подразумевают промежуточный этап сдвига, на котором сложному переходу предшествует простая метафора или простая метонимия. Между тем, по нашим данным, последовательные изменения не исчерпывают все возможные типы взаимодействия метафоры и метонимии. Во-вторых, эти составные сдвиги иллюстрируются английскими лексикализованными фразами (ср. *to beat one's breast, to catch someone's ear*), а выражения такого рода, как правило, лингво- и культурно-специфичны (см. [Dobrovolskij & Piirainen 2005]), т.е. до некоторой степени исключительны.

Чтобы системно описывать нестандартные переходы, необходимо, по-видимому, не столько подбирать иллюстративный материал к априорной классификации, сколько двигаться, наоборот, от языкового материала к выявлению тех типов, которые не укладываются в классические модели метафорических или метонимических сдвигов. Иными словами, необходимо, как мы уже отмечали, «сплошное» исследование переносов на большом массиве лексики. Именно такой подход и реализован в статьях, вошедших в настоящую диссертацию. Анализируя сдвиги для нескольких семантических полей – глаголов падения, прятания, подкласса глаголов каузированного перемещения ('тянуть' и 'толкать'), предикатов боли, прилагательных чистоты, – мы соотносим их механизмы с каноническими представлениями о стандартных переходах и выявляем те параметры, которые отличают тот или иной переход от канона. При этом, чтобы отличить окказиональные изменения от регулярных, мы обращаемся к типологическим данным: межъязыковая повторяемость моделей служит для нас залогом их системного характера.

Таким образом, **цель** настоящего исследования – описать переносы, которые не укладываются в классические схемы и вместе с тем мотивированы действием продуктивных семантических механизмов. Свидетельством этой продуктивности послужит типологическая воспроизводимость рассматриваемых моделей.

Типология в области лексики значительно моложе межъязыковых исследований на грамматическом или фонетическом уровне. Активное развитие этого направления приходится на два последних десятилетия, когда к анализу стали привлекаться – наряду с традиционными для типологии зонами цветообозначений, терминов родства и частей тела – самые разные семантические поля. При этом внимание типологов в сфере лексики привлекают прежде всего принципы категоризации внеязыковой действительности, т.е. то, как окружающие человека предметы и явления «распределяются» между словами в разных языках (см. работы А. Маджид, С. Левинсона и других представителей психолингвистической школы – наиболее влиятельной в мировой практике лексико-типологических исследований). При таком подходе значимы «внешние границы» применимости слов: в каких экстралингвистических условиях все еще допустима одна лексема, а в каких – необходима уже другая. Напротив, за рамками исследований обычно остается проблематика, связанная с внутренней семантической структурой слова: какие механизмы мотивируют объединение в одной лексеме тех ситуаций, которые в другом языке выражаются разными единицами. Показательна в этом отношении также база данных CLICS – крупнейшая типологическая коллекция колексификаций, в которой фиксируются собственно факты совмещения значений, но не учитываются те процессы, которые привели к этим совмещениям ([Rzymiski et al. 2020]; о понятии «колексификация» см. также [François 2008]).

Итак, проблематика нестандартных семантических переходов, с одной стороны, и лексико-типологическая перспектива – с другой – определяют **актуальность** настоящего исследования. Его **новизна** обусловлена, во-первых, выбором лексического материала: мы анализировали переходы для семантических полей, ранее не становившихся объектом типологического изучения. Во-вторых, до некоторой степени новым для типологии остается пока и собственно интерес к развитию переносных значений. Наконец, те механизмы сдвигов, которые наш материал позволяет выявить, не привлекали к себе внимание теоретиков.

Девять статей, вошедших в диссертацию, можно разделить на вводную часть и два блока, посвященных, соответственно, нестандартным метафорическим и метонимическим сдвигам. Вводная статья (см. Раздел 2) задает общие методологические рамки исследования: здесь рассматриваются особенности фреймового подхода к лексической типологии и обсуждается значимость фреймов для типологического анализа семантических переходов. В статьях метафорического блока (Раздел 3) на разном лексическом материале (глаголы падения, предикаты болевых ощущений, см. 3.1-3.2) обсуждаются переходы, которые по некоторым параметрам напоминают метафору (в частности, в каждом случае здесь исходное и производное значения относятся к разным семантическим полям), но при этом не укладываются в стандартное представление о метафорической проекции одного домена на другой. Нарушение этой проекции, как правило, связано с конвенционализацией имплицатур, заложенных в исходном значении слов, а также с изменением конструктивных свойств лексем, претерпевающих семантический сдвиг. В этом смысле к статьям метафорического блока примыкает исследование, в котором сдвиг затрагивает не лексическое, а прагматическое значение глагола (3.3): определяющим для этого переноса также становится конструктивное окружение лексемы. В статьях метонимического блока (Раздел 4) на материале прилагательных зоны ‘чистый’, а также глаголов каузированного перемещения, падения и прятания анализируются переходы, которые, как и классическая метонимия, основаны на смежности двух значений, однако эта смежность – вопреки стандартному пониманию метонимии – наблюдается не в пределах одного семантического поля, а между разными полями. Это противоречие заставляет по-новому взглянуть на традиционное понятие семантического поля и определяет новый круг задач в исследовании структуры семантического пространства.

По результатам анализа на защиту выносятся следующие положения:

- 1) «Сплошной» анализ лексических данных, в отличие от целенаправленного подбора подходящего иллюстративного материала, ясно указывает, что наряду с двумя стандартными

- типами семантических сдвигов – метафоры и метонимии – в языке действуют и иные продуктивные механизмы изменения значений.
- 2) Свидетельством продуктивности этих механизмов является их воспроизводимость как в пределах одного языка, так и в типологической перспективе.
 - 3) Механизм метафоры может осложняться конвенционализацией имплицатуры, заложенной в исходном значении лексемы. Соответственно, процессы такого рода характерны не только для грамматикализации, в связи с которой обычно говорят об имплицатурах, но и для сдвигов, не выходящих за пределы лексики.
 - 4) Нестандартные метафоры нередко сопровождаются изменением конструкционных свойств лексемы: в производном значении слово «подстраивается» под грамматическое поведение ядерных лексем «нового для себя» поля.
 - 5) Метонимическое отношение может связывать значения, принадлежащие к разным семантическим полям. В типологической перспективе это означает, что ситуация, которая в некотором языке покрывается лексемой одного поля, в другом языке может обслуживаться словом из другого поля.
 - 6) Семантические поля представляют собой не закрытые множества с четко очерченными границами, как это подразумевалось в классической теории семантического поля. Напротив, поля в значительной степени накладываются друг на друга, стирая межполевые границы. Типологический подход оказывается эффективным инструментом для выявления таких наложений и тем самым для понимания устройства семантического пространства.
2. Фреймовый подход к лексической типологии

Статья, выносимая на защиту: [Рахилина, Резникова 2013]

При типологическом исследовании семантических сдвигов мы опираемся на фреймовый подход, поскольку эта методика, в отличие от других устоявшихся направлений межъязыкового анализа лексики – психолингвистической школы (см., например, [Majid & Bowerman (eds.) 2007; Корецка & Narasimhan (eds.) 2012]) и метода естественного семантического метаязыка (см. [Goddard & Wierzbicka 2007]), во многом нацелена на изучение переходов между значениями.

Принципиальную возможность их изучения дает сочетаемостный подход, реализуемый в рамках фреймовой методологии. В этом смысле фреймовая идеология опирается на традиции лексико-семантического описания, созданные в Московской семантической школе [Апресян 1974, Апресян и др. 1979, НОСС 2004]. Как известно, МСШ имеет богатейший опыт в исследовании квазисинонимии. Тончайшие семантические различия между словами с близким значением обнаруживаются при анализе их сочетаемостного поведения: в ходе этой процедуры выявляются контексты, в которых данные слова не взаимозаменяемы – такие ограничения и указывают на семантические различия между квазисинонимами.

В типологии аналогом квазисинонимов могут служить переводные эквиваленты: сравнивая контексты их употребления, мы тоже выявляем случаи, когда не все из них допустимы, – обнаруженные расхождения и ложатся в основу типологии. Таким образом, неотъемлемой частью типологического исследования при фреймовом подходе является корпусный анализ лексем исследуемой семантической области. Между тем эти лексемные употребления в корпусе как в прямых, так и в переносных значениях, так что анализ полисемии и ее моделей, которые регулярно повторяются на материале разных языков, становится естественным этапом работ фреймового направления.

Напротив, например, в рамках психолингвистического подхода полисемия обычно не учитывается — во многом потому, что сама процедура сбора языкового материала (фиксация реакции носителей на экстралингвистические стимулы — картинки, видеоклипы и под.) не предполагает выявления употреблений слов вне анализируемой семантической области. Действительно, если информанту, например, демонстрируют видеоклип, в котором человек разрывает пополам кусок ткани, то эксперта будет интересовать, какая лексема описывает эту ситуацию и в каких еще ситуациях из набора видеостимулов она может употребляться. При этом исследователю не столь важно, выступает

ли данная лексема в подобных контекстах в своем прямом или переносном значении: существенной оказывается только ее применимость к той или иной ситуации из исходного набора стимулов.

В отличие от стимульного сбора материала, корпус не только отражает встречаемость лексемы в заданном наборе контекстов, но и позволяет выявить все (по крайней мере частотные) типы ее употреблений в языке. В рамках фреймового подхода такой анализ проводится для каждой лексемы поля во всех языках выборки, обслуженных корпусом. Вместе с тем, казалось бы, для решения этой задачи можно выбрать и существенно менее трудоемкий путь: значения лексем фиксируются в толковых словарях, для полисемичных слов здесь уже произведено разбиение на отдельные подзначения, так что к анализу связей между этими подзначениями можно было бы приступить сразу, без предварительного корпусного исследования. И действительно, такой подход реализуется в ряде проектов.

В частности, словарные ресурсы лежат в основе базы данных CLICS, а также в значительной степени используются для пополнения Каталога семантических переходов DatSemShift – проекта, осуществляющегося под руководством Анны А. Зализняк (Zalizniak et al. 2012). Правда, ни один из этих проектов не нацелен на классификацию сдвигов, их задача – выявить возможные модели совмещения значений. При этом, если CLICS ориентирован на синхронию, то Каталог семантических переходов имеет и диахроническую направленность: наряду с синхронной полисемией в нем отмечаются и исторические переходы, и семантические связи между когнатами, и преобразования, которые претерпевает лексема при морфологической деривации или при заимствовании в другой язык. Так или иначе, нам здесь важно подчеркнуть, что переходы в этих системах связывают лексикографические значения рассматриваемых единиц.

В отличие от этих ресурсов, наш подход предполагает другую точку отсчета для сдвигов. Источником сдвига мы считаем не одно из значений слова, а фрейм – и здесь мы подходим к ключевому понятию для нашей методики лексико-типологических исследований. Фреймами мы называем простые ситуации, которые регулярно противопоставляются лексическими средствами в естественных языках. Так, в плавании – это активное плавание, плавание неодушевленного предмета по течению, статичное положение на поверхности воды и движение судов и на судах [Майсак & Рахилина (ред.) 2007]. В зоне качания фреймов значительно больше – это качание на подвеске (маятник), по типу кресла-качалки, качание на опоре (дерево от ветра), по причине деформации (старый мостик), колебание поверхности воды и др.

Фреймы выявляются на основе анализа лексического материала. Критерием при наделении некоторой ситуации статусом фрейма служит для нас ее лексическая противопоставленность другим ситуациям поля, т.е. наличие в каких-либо языках отдельных лексических средств для описания этой ситуации. Так, ‘густые’ вещества в английском противопоставлены ‘густым’ множествам (ср. *thick soup* ‘густой суп’ vs. *dense forest* ‘густой лес’), и этот факт определяет необходимость постулирования двух отдельных фреймов в поле густоты.

Называя подобные ситуации фреймами, мы отклоняемся от канонического определения фрейма – а именно того, которое в свое время было предложено Ч. Филлмором [Fillmore 1976; 1982] и до сих пор используется – в частности, в модели FrameNet, см. <https://framenet.icsi.berkeley.edu>). Согласно [Voas 2011], фрейм Филлмора – это набор участников ситуации с приписанным им способом синтаксического выражения. В нашем подходе фрейм предполагает еще и семантические ограничения для участников, потому что обобщенных ролей для наших задач оказывается обычно недостаточно. Так, качающийся маятник или дерево, как и густой суп или лес, заполняют одну и ту же семантическую роль и не различаются на уровне синтаксического кодирования, однако в типологической перспективе этим ситуациям могут соответствовать разные лексемы, так что для сравнения языков нам необходимо постулировать для этих ситуаций разные фреймы. Таким образом, лексико-типологический фрейм представляет собой более дробную единицу, чем, во-первых, фрейм у Филлмора, и во-вторых, чем принятые в лексикографии значения. Именно такие дробные единицы и позволяют нам сравнивать лексемы разных языков: сопоставляя наборы фреймов, которые покрываются изучаемыми словами, мы выявляем межязыковые различия в организации лексических систем.

Этот принцип сравнения сходен с тем, который десятилетиями применяется в грамматической типологии: фреймы выступают аналогами элементарных грамматических смыслов, которые могут по-разному распределяться между грамматическими показателями в конкретных языках [Bybee & Dahl,

1989: 51–52; Плунгян 2000: 233–238]. Выявляя элементарные значения, которые может выражать, например, показатель датива в том или ином языке, мы можем сопоставить его с дативными формами в других языках, см. [Haspelmath 2003]. Точно так же на лексическом уровне мы сравниваем, скажем, глаголы прятания: мы определяем фреймы, которые описывает каждый из глаголов, и сопоставляем между собой полученные наборы.

Но фреймы позволяют не только соотносить друг с другом семантический потенциал лексем в их прямых значениях. Для данного исследования важно прежде всего то, что фрейм играет ключевую роль в объяснении природы семантических сдвигов. Объяснения, которые предлагаются в рамках фреймового подхода, связывают производное значение не с лексемой в целом и даже не с каким-то из ее значений (ср. в этом отношении традиционную лексикографическую практику, где переносные употребления включаются в единый список с прямыми — как если бы все метафоры восходили к первому значению). Отношения семантической производности мы устанавливаем между переносным употреблением и фреймом.

Правда, связь вторичной семантики и фрейма не всегда удастся показать в пределах одного языка. Если лексема покрывает сразу несколько фреймов семантического поля, то мы можем лишь предположить, какой аспект ее исходной семантики послужил конкретным источником для переносного значения. Однако типологическая перспектива позволяет верифицировать эту гипотезу. Так, *плавать* в русском описывает по крайней мере три фрейма зоны плавания: ‘активное движение в воде’ (*мальчик плавал у берега*), ‘движение судов или на судах’ (*капитан трижды плавал в Индонезию*), ‘нахождение на поверхности воды’ (*в супе плавают морковь*). В одном из переносных употреблений *плавать* выражает семантику неустойчивости и неуверенности (*плавал на экзамене*). Чтобы выявить конкретный фрейм, послуживший источником этой метафоры, мы обращаемся к системам, в которых фреймы плавания распределены между разными лексемами. Пример такой системы представлен в английском, ср. *swim* для активного движения в воде, *sail* для судов и *float* для нахождения на поверхности. Метафора неустойчивости развивается от *float*, т. е. от идеи пассивного плавания, при котором субъект качается из стороны в сторону на поверхности воды. Кроме того, все глаголы выборки, которые способны выражать подобную метафору, могут описывать в прямом значении ситуацию нахождения на поверхности. Тем самым источником сдвига в зону неустойчивости и неуверенности мы считаем не семантику движения в воде в целом, как можно было бы предположить на основе русского *плавать* или данных других доминантных систем, а фрейм пассивного нахождения на поверхности, см. [Майсак & Рахилина (ред.) 2007, Рахилина и др. 2020].

Итак, фреймы дают более глубокое и типологически мотивированное понимание природы семантических переносов. Однако, возводя сдвиги к фреймам, мы — в отличие от создателей базы данных CLICS или Каталога семантических переходов — не можем опираться на существующие лексикографические источники: для каждой семантической зоны нам необходимо сначала выявить тот набор фреймов, который послужит основой для типологического сравнения. При определении этого набора мы лишь на начальном этапе обращаемся к словарям, основным же источником данных становятся для нас корпуса: изучая употребление единиц нашего поля, мы и выявляем релевантные для поля ситуации. Этот анализ позволяет нам составить анкету для работы с материалом новых языков, в том числе и не располагающих корпусными ресурсами.

В целом, таким образом, фреймовый подход предполагает работу с тремя типами данных, которые дополняют и верифицируют друг друга, — словарями, корпусами и результатами опроса информантов. Еще один методологический принцип, значимый для фреймового подхода в целом и для нашего исследования в частности, касается составления языковой выборки. В отличие от типологов-грамматистов, мы допускаем включение в выборку близкородственных языков. Дело в том, что лексика изменяется значительно быстрее, чем грамматика, а это значит, что генетически связанные языки успевают значительно разойтись на лексическом уровне, так что внутри одной языковой группы обнаруживаются все те различия, которые наблюдаются и в широкой типологической перспективе, см. [Рахилина & Прокофьева 2004, 2005, Кашкин 2013, Kortjevskaja-Tamm 2022], ср. также близкие выводы, полученные в рамках другого подхода [Majid et al. 2007, 2015].

При исследовании семантических сдвигов данные родственных языков дают дополнительные преимущества: они позволяют проследить единый эволюционный процесс на разных его стадиях, фиксируемых в различных языках (ср. [Шерстюк & Резникова 2021], а также 4.1-4.2).

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных полей, на материале которых мы анализировали семантические переходы.

3. Нестандартные метафоры

Этот раздел посвящен семантическим полям, выступающим источником или результатом семантических сдвигов метафорического типа, которые, однако, не вполне вписываются в теоретические представления о канонической метафоре. На различном лексическом материале мы обсудим, в чем именно состоят отличия наблюдаемых переходов от стандартных метафорических сдвигов.

3.1. Глаголы падения

Статья, выносимая на защиту: [Рахилина, Резникова, Рыжова 2020]

В целом под падением мы понимаем неконтролируемое перемещение вниз без контакта с поверхностью. По результатам изучения 42 языков в этой зоне было выделено 4 основных фрейма, которые могут служить основой для лексических противопоставлений в рассматриваемом поле [Резникова и др. 2020]:

1. падение с высоты: речь идет о неконтролируемом движении, в результате которого траектор оказывается на поверхности, расположенной ниже исходной ('чашка упал на пол');
2. потеря вертикальной ориентации: траектор остается на той же поверхности, но изменяет свою ориентацию, так что некоторые его части, исходно находившиеся выше поверхности, приходят с ней в соприкосновение ('срубленное дерево упало на землю');
3. падение-разрушение: траектором выступают объекты особого типа – прежде всего здания и сооружения, которые при падении распадаются на части ('дом рухнул');
4. открепление и выпадение из контейнера: траектор в той или иной степени фиксирован в начальной точке или находится в контейнере ('полотенце упало с крючка', 'птенец выпал из гнезда').

Каждый из этих фреймов выступает источником для своего набора производных значений, повторяющихся от языка к языку, ср., например, 'уменьшение значений параметра', 'начало состояния' или 'наступление неприятной ситуации' для фрейма 'падение сверху'; 'потеря функциональности (о человеке)' или 'превращение' для 'потери вертикальной ориентации'; 'прекращение функционирования' или 'капитуляция' для 'падения-разрушения'; 'пропуск элемента последовательности' или 'отставание от группы' для 'открепления'.

Некоторые из переносов, засвидетельствованных в нашем материале, вполне укладываются в традиционные представления о метафорах. Иными словами, в терминах когнитивной теории метафоры, их можно интерпретировать как проекцию из домена-источника в домен-цель, а это значит, что между элементами в структурах начальной и результирующей областей легко устанавливаются прямые соответствия. К такого рода случаям относится, например, сдвиг от 'падения сверху' к 'уменьшению значений параметра' (ср. *температура упала, падает спрос на книги* и аналогичные употребления глаголов падения во многих других языках), реализующий известную метафорическую модель LESS IS DOWN (см. [Lakoff & Johnson 1980]). Движение сверху вниз предполагает различие между уровнем исходной и конечной точки, которое легко проецируется на разницу в значениях на параметрической шкале.

Другим примером канонической метафоры может служить переход от 'падения-разрушения' к 'прекращению функционирования' – обычно речь здесь идет о сложно устроенных абстрактных объектах, создание которых требует значительного времени, например, о планах, бизнесе, банковской системе, политическом режиме, счастье какого-либо человека. Опять же здания и сооружения, выступающие в роли траектора в исходном домене, напрямую соотносятся с нематериальными конструктами из домена-результата.

Подобные простые случаи легко интерпретировать не только в контексте теории Дж. Лакова, но и в рамках других подходов к метафоре, в частности, в модели Е.В. Падучевой, согласно которой

метафорический сдвиг предполагает изменение таксономического (в терминологии Падучевой – тематического) класса лексемы, вызванный меной класса ее аргументов [Падучева 2004]. Так, замена при предикате падения конкретного имени на параметрическое ведет к переходу от семантики движения к идее уменьшения. В свою очередь, подстановка наименования абстрактного конструкта вместо имени конкретной постройки перемещает глагол из зоны движения в класс изменения состояний.

Итак, ряд типологически регулярных сдвигов с источником в зоне падения хорошо вписывается в стандартное определение метафоры – причем в рамках различных теоретических парадигм. Однако среди семантических переходов от глаголов исследуемого поля имеются и более сложные случаи – они и представляют основной интерес для данного исследования. Рассмотрим четыре примера такого рода.

1) BAD IS DOWN

Ориентационная метафора LESS IS DOWN мотивирует употребление глаголов падения в отношении числовых величин (температуры, цен, численности населения и т. п.), а также других градуируемых явлений, которые могут оцениваться по интенсивности (желание, воодушевление, интерес, волнение). Однако наряду с этим глаголы падения могут применяться к сущностям, оцениваемым по шкале ‘хорошо — плохо’. Подобные употребления отражают несколько иную разновидность ориентационных метафор, также обсуждаемую в [Lakoff & Johnson 1980], – BAD IS DOWN, ср. казахское устойчивое выражение *көңіл-і түсу* ‘расстроиться (настроение-3.POSS падать)’, или турецк. *hizmet düştü* ‘сервис стал плохим (букв. «сервис упал)’. Особый вариант этого сдвига представлен в контекстах, в которых «ухудшающимся» субъектом выступает не абстрактная сущность, а человек: такие контексты описывают моральную деградацию, ср. рус. *как он мог так низко пасть!*

В рамках нашего исследования существенно, что переход к семантике ухудшения – в отличие от модели LESS IS DOWN – часто оказывается не вполне каноническим. Дело в том, что в контекстах, где глагол падения выражает отрицательную оценку субъекта, как правило, меняется его акциональный класс. В своем исходном пространственном значении ‘падать’ относится к классу предельных процессов, тогда как в оценочных контекстах подразумевается стативное качество, осмысляемое как результат метафорического падения. Несовпадение акциональных классов нарушает параллелизм между доменами источника и цели: падение как движение не проецируется напрямую на начало состояния ‘стать плохим’. В других терминах, семантический сдвиг предполагает не просто мену таксономических характеристик предиката и его актанта, ср. [Падучева 2004], но и одновременный переход от ситуации к ее результату, т. е. когнитивную операцию, характерную для метонимии (ср. [Кустова 2004, Падучева 2004], а также понятие *end-point metonymy*, например, в [Brugman 1988, Brugman & Lakoff 1988]).

Таким образом, механизм метафоры при развитии интересующего нас значения осложняется действием метонимии, обуславливающей изменение акционального класса предиката. Примечательно, что это изменение мы постулируем не только на чисто семантических основаниях – оно может проявляться и на более формальном морфосинтаксическом уровне. Так, в японском форма настоящего-будущего времени от *ochiru* в исходном значении задает проспективную интерпретацию (‘вот-вот упадет’), см. (1a), тогда как в оценочном контексте она характеризует постоянное свойство субъекта (1b) [Панина 2020]:

(1) японский

(a) *Mama, ano ko ochi-ru yo.*
мама тот девочка падать-PRS EXCL
‘Мама, эта девочка сейчас упадет’.

(b) *Kore wa mihon yori ochi-ru.*
это TOP образец чем падать-PRS
‘Это уступает образцу (букв. падает относительно образца)’.

В производном значении может изменяться, с одной стороны, значение формы, как в японском, а с другой – собственно форма: новая семантика иногда закрепляется за определенным морфологическим контекстом. В частности, характерным морфосинтаксическим проявлением стативизации служит использование отглагольных именных форм: имя, лишенное финитных

признаков, в точности соответствует идее стативности. Показательно в этом смысле, что значение моральной деградации реализуется прежде всего в атрибутивных дериватах, ср. тур. *düşkün*, рус. *падиший*.

Итак, нестандартность метафоры по модели BAD IS DOWN от глаголов падения связана с одновременным действием результитивной метонимии, приводящей к стативизации предиката и, соответственно, его морфосинтаксическим сдвигам – изменению грамматического значения формы или использованию особых форм со стативной семантикой.

2) Свет

Близкий механизм задействован и при переходе от падения сверху к идее освещенности объекта, широко представленном в европейских языках. Субъектом при глаголе в таких контекстах выступает слово ‘свет’: его «падение» на объект означает, что тот становится хорошо видимым, ср. нем. *Wir waren im Halbdunkel, nur das Licht vom Flur fiel schwach auf sein Gesicht* ‘Мы были в полутьме, только слабый свет из коридора падал на его лицо’; франц. *La lumière tombait sur le petit visage étroit* ‘Свет падал на маленькое узкое лицо’, а также (2):

- (2) *Я собрала все свое хозяйство, разложила на подоконнике и стала у окна. Теперь свет падает щедро и на мою дощечку, и я могу писать и читать.* [Л. К. Чуковская. Процесс исключения (Очерк литературных нравов) (1978, 1989)]

Здесь мы наблюдаем тот же эффект, что и для предыдущего сдвига. Глагол *падать* и его аналоги из других языков описывают стативную ситуацию – освещенность объекта. Это значение выражается имперфективными формами, которые в контексте собственно падения предполагают актуально наблюдаемую (ср. *смотри, там что-то падает*) или итеративную ситуацию (*пытается взлететь, но каждый раз падает в воду*). Таким образом, как и для японского примера (1), сдвиг семантики и акционального класса сопровождается изменением грамматического значения глагольной формы. Заметим опять же, что аналогичное преобразование грамматической семантики происходит при результитивной метонимии, ср. пример из [Кустова & Падучева 1994: 104]: *сторож наполняет бассейн водой* (динамическая ситуация) → *вода наполняет бассейн до краев* (стативная ситуация). Метонимический переход, однако, описывает непосредственный результат ситуации, а в нашем случае речь идет о метафорическом переосмыслении результата. Таким образом, падение света дает еще один пример метафоры, осложненной метонимией и сдвигом формальных свойств лексемы.

3) Удаление вещества

Семантический переход глагола может сопровождаться нестандартными изменениями не только его собственной формы (в частности, ее значения), но и набора его актанта. Обратим внимание, что при классической метафоре участники, которые выражаются в производных контекстах, находят параллели в прямых употреблениях – на этом параллелизме во многом и основан механизм метафорической проекции. На формальном уровне это означает, что исходному и метафорическому значениям соответствуют тождественные или близкие синтаксические конструкции, ср. в зоне падения переход от ‘падения сверху’ к ‘началу состояния’, при котором в производном употреблении воспроизводится конструкция, задающая падение в контейнер (в яму, колодец и под.): англ. *fall into the water* ‘упасть в воду’ → *fall into disrepair* ‘прийти в негодность’, турецк. *kuyu-ya düşmek* (колодец-DAT упасть) ‘упасть в колодец’ → *hata-ya düşmek* (ошибка-DAT упасть) ‘ошибиться’ (букв. «упасть в ошибку»), а также рус. *впасть в ярость*, восходящее к устаревшим прямым употреблениям, подобным (3); конструкция здесь требует не только определенного предложного управления, но и использования глагола в сочетании с приставкой *в-*:

- (3) <...> *аще бы кто впал в яму, и ты бы его веревкою извлек милосердствуя о нем <...>*
[митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700-1722)]

Итак, в примерах выше начало состояния описывается как падение в метафорический контейнер, т.е. негодность, ярость, ошибка представляются как конечные точки метафорического движения и кодируются теми же средствами, что и контейнер как конечная точка движения

физического (предложные конструкции в русском и английском, приставочный дериват в русском, дательный падеж в турецком).

Но подобное «наследование» участников наблюдается далеко не всегда. Примером изменения в наборе актантов может служить сдвиг от фрейма ‘открепление и выпадение из контейнера’ к идее ‘удаления вещества’ – этот переход засвидетельствован, в частности, в японском языке [Панина 2020: 974]. Исходный фрейм здесь предполагает, помимо субъекта, начальную точку движения (‘лист упал с ветки’) и в принципе содержит идею конечной точки, хотя она и редко выражается в конструкции. Для производного значения начальная точка, как правило, поверхностно не задается (хотя в структуре ситуации она тоже присутствует – вещество удаляется с какой-то поверхности), идея же конечной точки вовсе пропадает: удаляемое вещество в нашем восприятии не перемещается куда-то, а исчезает. Но результирующее значение не только «теряет» исходных участников, оно еще и добавляет нового, не имеющего параллелей в ролевой структуре исходного движения, - инструмент или средство, ср.:

(4) *Chi wa nure taoru de ochi-ru.*
 кровь TOP мокрый полотенце INST падать-PRS
 ‘Кровь убирается (букв. «падает») мокрым полотенцем’.

Изменение состава актантов и, соответственно, синтаксической конструкции нарушает прямую проекцию между доменом-источником и доменом-целью, так что опять же этот переход отклоняется от классической модели метафорического сдвига. Другие примеры переходов, связанных с изменением конструкции, мы обсудим на материале болевых предикатов (см. раздел 3.2). Здесь же отметим, что добавление инструмента отражает и еще одно преобразование, которое претерпевает семантика падения. В новой конструкции глагол задает действие, у которого есть контролирующий субъект – тот, кто удаляет вещество. Изменение агентивных характеристик ситуации мы подробнее рассмотрим на следующем примере.

4) Начало деятельности

Одним из конституирующих свойств ситуации падения является ее неконтролируемость. Показательно, что из 22 моделей переходов, которые мы обнаружили в типологическом материале для глаголов падения, 20 полностью сохраняют неконтролируемость и в результирующей ситуации.

Эта закономерность в наших данных нарушается в двух случаях. Одну модель, при которой производная семантика подразумевает появление агентивного участника, мы обсудили выше: субъект контроля здесь не выражается при глаголе, но наличие инструмента «выдает» его присутствие. Вторая модель, допускающая развитие значения контролируемого действия, устроена несколько иначе: здесь в качестве субъекта контроля выступает главный участник ситуации, т.е. траектор метафорического падения. Если человек «упал» в дело, это означает, что он начал им заниматься, ср. (5) из панджаби [Хохлова 2020: 658].

(5) *uh kis dhandh-e vic pai gi-ā*
 он что.OBL дело-M.OBL.SG LOC падать идти-AOR.M.SG
sab¹ kuch² luṭā baiṭh-ā h-ai
 всё^{1,2} терять садиться-PP.M.SG быть.PRS.3SG-
 ‘Чем (каким нехорошим делом) он занялся? Все потерял!’

Правда, сочетаемость с обозначениями деятельности для глаголов падения типологически не очень частотна, значительно более регулярны по языкам конструкции с наименованиями состояний (ср. обсуждение случаев типа *впасть в ярость* выше). Однако, пока глаголы падения выражают начало состояний, описываемые ситуации остаются неконтролируемыми, как и исходное движение. Нас же здесь интересует изменение интенциональных характеристик действия. Как кажется, такое изменение опять же нарушает параллелизм начального и производного доменов, делая переход между ними когнитивно менее прозрачным. Действительно, если состояние можно сопоставить с местом, в котором субъект оказывается не по своей воле в результате падения, то деятельность, которую субъект сознательно начинает осуществлять, имеет с таким неожиданным для субъекта местом гораздо меньше общего. Не случайно, по-видимому, доля переходов в класс контролируемых ситуаций невелика как в

рамках обсуждаемой инхоативной модели, так и среди результатов сдвигов глаголов падения в целом. Эти данные позволяют предположить, что в стандартном случае метафора предполагает сохранение контролируемых свойств ситуации, тогда как явная мена этих свойств (по крайней мере переход от неконтролируемости к контролируемости) указывает на усложнение механизма метафоры.

Интересно, однако, почему переход к контролируемой ситуации все-таки встречается в языках – иными словами, какие характеристики падения обуславливают возможность его переноса на начало агентивной деятельности. В этом отношении показательна сочетаемость глаголов падения в подобных переносных контекстах. По всей вероятности, определяющей здесь становится отрицательная оценка – она «наследуется» от прямых к производным употреблениям. Ситуация, возникающая в результате падения, часто приводит к нежелательным последствиям, так что и в переносных употреблениях – если они затрагивают контролируемые ситуации – речь может идти только об отрицательно оцениваемых действиях, ср. (5) выше, а также (6) [Хохлова 2020: 659]:

- (6) хинди-урду
mer-ī bāt-oⁿ meⁿ paṛ-n-e kā āp ko
 мой-F дело-F.OBL.PL LOC падать-INF-OBL GEN Вы ACC
koī adhikār nahīⁿ
 какой-то право NEG
 ‘Вы не имеете права вмешиваться в мои дела’.

Обратим внимание, что отрицательная оценка характерна для инхоативного сдвига в целом, т.е. распространяется не только на контролируемые, но и на неконтролируемые ситуации. Иначе говоря, среди состояний глаголы падения тоже «выбирают» преимущественно неприятные: в нашей выборке частотны обозначения негативных эмоций (гнев, печаль, беспокойство), плохого отношения к субъекту со стороны других людей (немилость, подозрение), неблагоприятных внешних обстоятельств (беда, трудности), физиологических состояний (болезнь) и под.

Правда, тут возможны и исключения: так, в английском представлен целый ряд контекстов, описывающих начало нейтральной или положительной ситуации, ср. *fall into place* ‘встать на свои места’, *fall into good hands* ‘попасть в хорошие руки’, *fall into line* ‘встроиться’, а также *fall in love* ‘влюбиться’, где конечное состояние может иметь разные коннотации. Впрочем, и в английском эти конструкции скорее единичны — преобладают все же обозначения негативных ситуаций. В целом ни в одном из языков нашей выборки не встретились сочетания вида ‘падать в радость/в счастье/в восхищение’ или под. Можно предположить, что такое расширение сочетаемости нехарактерно для глаголов падения и в более широкой типологической перспективе – иначе следовало бы говорить об их эволюции в грамматический показатель инхоатива. Между тем, этот путь грамматикализации не фиксируется ни в словаре [Heine & Kuteva 2002], ни в других работах, где упоминается глагол ‘падать’ в качестве источника грамматикализации, ср. [Haspelmath 1990; Вострикова 2003; Майсак 2005].

Для проблематики нашей работы мена оценки интересна прежде всего с точки зрения ее взаимодействия с механизмом метафоры. Наши исследования на другом материале – признаковых словах – показывают, что переход от отрицательной к положительной оценке задействует имплицатуры исходного значения и тем самым не сводится к метафорической проекции, ср. англ. *terrific* и франц. *formidable*, эволюционировавшие от значения ‘внушающий ужас’ к чисто оценочной семантике ‘потрясающий, замечательный’, или нем. *toll*, развившее идею положительной оценки на основе значения ‘бешеный, сумасшедший’ [Рахилина и др. 2010а, Карпова и др. 2011]. Правда, в отличие от признаковых слов, глаголы падения – если судить по нашим данным – не столько «переключают» оценку, сколько расширяют ее за счет положительных ситуаций, становясь тем самым оценочно нейтральными. В этом отношении их развитие больше похоже на эволюцию интенсификаторов, восходящих к прилагательным с отрицательной коннотацией (ср. *ужасно*, *безумно*): получая способность модифицировать положительные признаки (*ужасно/безумно красивый*), они превращаются в нейтральные показатели высокой степени. Так или иначе глаголы падения – по крайней мере в рамках нашей выборки – не дают однозначных примеров мены оценки, так что вопрос о расширении оценочной семантики в глаголе и специфике таких сдвигов требует привлечения другого лексического материала. Но если верно, что подобные переходы должны вести к грамматикализации (как это имеет место для оценочных признаков и как мы это предположили для

глаголов падения), то мену оценки тоже следует отнести к признакам нестандартных метафорических переходов.

Таким образом, на материале четырех моделей семантических сдвигов, типологически характерных для глаголов падения, мы показали, что изменения, которые претерпевают лексемы при метафоризации - т.е. переходе из одного семантического класса в другой - неоднородны. В ряде случаев сдвиг значения сопровождается лишь изменением таксономического класса актанта (так, вместо наименования конкретного объекта-траектора при глаголе может выступать параметрическое имя, что обуславливает сдвиг от семантики движения к идее уменьшения, или вместо конечной точки-места – имя эмоции, тогда глагол выражает начало состояния). Такие переходы когнитивно прозрачны и полностью укладываются в стандартное представление о метафорах. Однако в некоторых случаях изменения не ограничиваются таксономией актантов и глагола – наряду с этим трансформируются акциональные признаки предиката или агентивные характеристики его субъекта, что нередко влечет за собой изменение морфологических и синтаксических свойств конструкции и нарушает параллелизм исходного и производного доменов. В частности, может сдвигаться грамматическая семантика глагольных форм, новое значение может закрепляться за определенным морфологическим контекстом, глагол может изменять модель управления, добавляя в нее новых участников. Существенно, что все эти сдвиги не ограничиваются материалом глаголов падения, а носят регулярный характер: аналогичные процессы можно наблюдать в самых разных лексических зонах. В следующем разделе мы обсудим сходные явления на материале предикатов боли.

3.2. Предикаты боли

Статья, выносимая на защиту: [Reznikova, Rakhilina, Bonch-Osmolovakaya 2012]

Если в поле падения мы обсуждали переходы с общим источником, то в случае болевых глаголов сдвиги объединяет, напротив, общий результат – идея неприятных физиологических ощущений. Как показал анализ данных свыше 20 языков, эта семантическая область часто покрывается глаголами, «заимствованными» из других семантических зон (число специализированных – так называемых «первичных» – болевых глаголов, ср. рус. *болеть*, в исследованных языках не превышает четырех, тогда как количество «вторичных» предикатов, ср. *колоть*, *жечь*, *гудеть*, исчисляется десятками). Соответственно, зона боли дает богатый материал для исследования семантических сдвигов.

Набор зон-источников для болевых предикатов обнаруживает значительную типологическую регулярность – семантику неприятных физиологических ощущений развивают, как правило, глаголы следующих классов: (1) горения, (2) деформации и разрушения (в том числе саморазрушения), (3) звука, (4) движения. Процесс их перехода интересен для нас соотношением акциональных характеристик исходного и производного доменов. Важным свойством производной – болевой – ситуации является ее стативность, тогда как поля-источники представляют, напротив, динамические ситуации разного типа. Таким образом, вторичные предикаты боли позволяют проследить, какие изменения претерпевают глаголы при метафоризации, если она сопровождается меной акционального класса.

Напомним, для глаголов падения мы отмечали, что переход к стативной ситуации служит одним из факторов, усложняющих механизм метафоры. Болевые предикаты позволяют уточнить это наблюдение. Сложность сдвига зависит от акционального типа глагола в исходном значении. Ближе всего к стативам – непредельные процессы (звук, движение), а дальше от них отстоят, напротив, предельные процессы (воздействие и разрушение). Это различие, так сказать, в когнитивном расстоянии хорошо прослеживается на поверхностном уровне.

Так, болевые конструкции, в которых выступают глаголы звука и движения, по своим морфологическим и синтаксическим свойствам часто сходны с употреблениями этих единиц в прямом значении, ср. рус. *голова кружится*, хинди *peT kūd rahā hai* букв. ‘живот прыгает (PRS.PROGR) [об ощущении голода]’, крымско-тат. *ayaqlarım uvulday* ‘ноги гудят’. В этих же конструкциях выступают и участники, соответствующие исходным употреблениям (ср., например, одушевленные субъекты для глаголов движения, как рус. *балерина кружится*). Таким образом, переход хорошо согласуется с классической метафорической схемой: замена таксономического класса актанта (одушевленный

участник → часть тела) приводит к смене таксономического класса предиката, домен-источник проецируется на домен-цель. Правда, и здесь проекция не совсем точная: для результирующей ситуации характерны участники, отсутствующие в исходной, - экспериенцер неприятного ощущения и причина; они встраиваются в конструкцию со вторичным болевым предикатом по образцу первичных глаголов боли, ср. *у меня голова кружится от этого запаха*, как *у меня голова болит от этого запаха*. Кроме того, переходы от неопределенных процессуальных глаголов могут задействовать дополнительный механизм стативизации – устранение из синтаксической структуры субъекта, ассоциирующегося с динамичностью действия, т.е. использование имперсональных конструкций, ср. сербск. *mi svira u glavi* букв. ‘мне играет (на музыкальном инструменте) в голове’, нем. *es saust mir in den Ohren* букв. ‘мне свистит в ушах’ (об ощущении шума в ушах). В таких случаях синтаксический параллелизм исходных и производных употреблений нарушается.

Но в любом случае, однако, для перехода предельных процессов в болевую семантику требуется существенно больше формальных преобразований: они затрагивают не только синтаксические, но и морфологические характеристики исходного глагола. На синтаксическом уровне здесь, как и в случае предикатов звука и движения, появляются дополнительные актаны и функционируют безличные конструкции. Но предельные процессы могут претерпевать еще одно значимое изменение. Основу этого класса составляют предикаты агентивного воздействия на объект (‘резать’, ‘колоть’, ‘кусать’ и под.), т.е. переходные глаголы. Между тем, развивая болевую семантику, эти глаголы часто выступают в составе непереходных конструкций, опять же «подстраиваясь» под синтаксис первичных предикатов боли¹. Непереходная модель может реализовываться как в безличных предложениях (ср. рус. *В боку колет*, нем. *Es beißt mir in den Augen* букв. ‘кусает в глазах’), так и в субъектных конструкциях с наименованием части тела в позиции подлежащего (рус. *вчера очень бок колот*, нем. *Meine Augen beißen* букв. ‘мои глаза кусают’).

Изменения на морфологическом уровне связаны с тем, что предельные процессы – в силу релевантности для них конечной точки – допускают больше аспектуальных значений, чем неопределенные процессы или состояния. Тем самым, если предельный процесс преобразуется в состояние, часть исходно свойственных глаголу аспектуальных форм становятся «лишними»: производное значение не позволяет выразить те противопоставления, которые были значимы для исходной предельной ситуации. Получается, что глагол в результате семантического сдвига «фиксируется» в некоторой аспектуальной форме, которая должна подходить для описания стативной ситуации. Примечательно, что для этой цели могут выбираться разные формы. В нашем материале выделяются в этом отношении две основные стратегии.

Во-первых, стативизирующий эффект достигается за счет дуративных форм - действительно, граммема дуратива в некотором смысле «объединяет» состояния и процессы, выражая идею длительности и у тех, и у других (ср. Плунон 2000: 300), ср. *спину ломит / ломает* (при невозможности перфективной формы **сломало*), грузинск. *saxsreb-ši m-texavs* ‘в-суставах меня-ломает’ (но **saxsreb-ši ga-m-texa*, ‘в суставах меня сломало’). Во-вторых, естественным способом стативизации является использование форм с результирующей семантикой – результат предельного процесса как раз и представляет собой состояние, ср. франц. *J’ai le dos rompu de fatigue* букв. ‘у меня спина сломана от усталости’ (при невозможности, напротив, форм с дуративным значением **J’ai le dos qui rompt* букв. ‘у меня спина, которая ломает(ся)’), ср. стандартность такой конструкции с неопределенными глаголами звука *J’ai le ventre qui gargouille* букв. ‘у меня живот, который булькает’.

Выбор между результирующей и дуративной стратегией кодирования для предельных процессов во многом определяется «предпочтениями» того или иного языка – так, русский и грузинский в этой зоне используют преимущественно дуративные конструкции, а французский – результирующие (подробнее о дуративно-результативной шкале см. [Рахилина и др. 2010b, Reznikova et al. 2012]). Вместе с тем в нашей выборке встречаются предельные глаголы, которые не могут выступать в составе болевых конструкций ни в дуративной, ни в результирующей, ни в какой-либо другой глагольной форме – значение боли выражают лишь их именные дериваты – прилагательные (причастия) или существительные. Так, немецкий глагол *schneiden* ‘резать’ не встречается в финитных контекстах,

¹ О единичных случаях переходности, встретившихся в нашем материале среди первичных болевых глаголов, см. [Рахилина и др. 2010b].

подобных русскому *режет в животе*, но выражает ту же семантику через причастие: *Ich habe schneidende Schmerzen im Bauch* ‘у меня режущие боли в животе’. В хинди лексема *čubhānā* ‘вонзать, втыкать’ употребляется для описания боли только в составе сравнительной конструкции (ср. ‘У меня так болит рука, будто кто-то иголкой колет’), зато образованное от нее существительное - *čubhan* ‘прокалывание, укалывание’ – развивает собственно болевое значение, ср. *pairō me čubhan ho rahī hai* букв. ‘в ногах укалывание есть’ (об острой боли в ногах).

Обратим внимание, что в принципе глагольные болевые конструкции встречаются и в немецком, и в хинди, но они характерны для источников с неопредельной семантикой, в частности, глаголов звука и движения, ср. нем. *mein Kopf brummt* ‘у меня голова гудит’, хинди *merā sir ghūm rahī hai* ‘у меня голова кружится’.

Все приведенные данные подтверждают закономерность, которую мы отмечали выше: предельные предикаты в болевых конструкциях дальше отходят от своих прямых употреблений, чем неопредельные. Как мы видели, предельным глаголам для стативизации требуется привлечь больший арсенал формальных средств: в новом значении они могут утрачивать переходность, терять часть морфологических форм и даже изменять частеречные характеристики. Вполне ожидаемо, что и на семантическом уровне результат сдвига от предельного глагола оказывается дальше от канонической метафоры. Мы уже отмечали, что переход от неопредельных предикатов звука и движения в целом согласуется со стандартными представлениями о метафорической проекции (голова, живот или другая часть тела, замещающая субъект исходной конструкции, как бы движется или звучит – это и порождает идею болезненного нарушения – в норме эти части должны быть беззвучны и не настолько подвижны).

Между тем предельная ситуация воздействия не может напрямую проецироваться на болевое ощущение. Домен-источник и домен-цель здесь, безусловно, связаны друг с другом, но нетривиальным образом – при определенных условиях (если в качестве объекта выступает часть тела) ощущение может возникнуть как побочный результат воздействия (основной результат прототипически связан с нарушением целостности объекта – например, отдельные части для ‘резать’ или наличие дырки для ‘колоть’). Перенос значения с ситуации на ее результат хорошо известен в теории семантических сдвигов, но он соотносится не с метафорой, а с метонимией. В то же время метонимия предполагает, что воздействие и результат имеют место в рамках одного события – это единство и обеспечивает их метонимическую смежность. В нашем же случае конструкции типа *в боку колет* не подразумевают никакого реального воздействия, воздействие вообще не является частью болевой ситуации, так что наряду с метонимической эта модель перехода имеет и метафорическую природу.

Итак, механизм развития болевой семантики оказывается значительно сложнее для глаголов воздействия, чем для предикатов звука и движения. Мы можем, соответственно, уточнить наше наблюдение, основанное на анализе глаголов падения. Напомним, мы предположили, что несовпадение акциональных свойств ситуации-источника и ситуации-цели приводит к нестандартности метафорического сдвига. Болевые предикаты показывают, что нестандартными являются не любые акциональные трансформации, а прежде всего сдвиги от предельных динамических ситуаций к стативам. Заметим, что именно с такими сдвигами мы и имели дело в падении. Более того, собственно модели перехода от падения, с одной стороны, и от воздействия – с другой, оказываются похожими: в обоих случаях мы наблюдали взаимосвязь метафорических и метонимических процессов – производное состояние мыслится как возможный результат ситуации, описываемой глаголом в исходном значении, только эта ситуация, в свою очередь, понимается не буквально, а метафорически. Этот семантический сдвиг, как мы видели, сопровождается формальными изменениями, которые происходят под влиянием «исконных» единиц результирующей семантической зоны. Такие изменения сближают морфологию и синтаксис пришедшего «извне» глагола с прототипическими лексемами домена-цели.

Описанные процессы формальной перестройки лексемы хорошо согласуются с основными положениями Грамматики конструкций [Fillmore et al. 1988, Goldberg 1995], постулирующей тесное взаимодействие элементов различных уровней языковой структуры. С позиций этой теории наши нестандартные переходы можно представить как встраивание слова в новую лексическую конструкцию, которое влечет за собой изменение его морфологических и синтаксических свойств. Но конструкции, вынуждающие изменения такого рода, могут быть не только лексическими. В

следующем разделе мы рассмотрим конструкцию с перформативной семантикой, которая также вызывает нетривиальный сдвиг в интерпретации глагольных форм.

3.3. Перформативы и перфективность

Статья, выносимая на защиту: [Plungian, Rakhilina, Reznikova 2022]

Перформативы вслед за Дж. Остином определяются как высказывания, равносильные совершению действия. Традиционно свойством перформативности наделяются глаголы, способные к употреблению в такой функции (ср. классические примеры *клянусь*, *обещаю* и под.), однако спектр перформативных высказываний существенно шире, ср. здесь пронизательное наблюдение Ю.Д. Апресяна, высказанное еще в 1988 г. и созвучное идеологии современной Грамматики конструкций: «перформативная формула имеет приоритет перед перформативным глаголом» [Апресян 1988/1995: 203].

Следуя принципам Грамматики конструкций, можно рассматривать перформативность как особую конструкцию, у которой – как и у любой другой – есть ядерные представители (высказывания с «перформативными» глаголами речи в форме 1 л. наст. вр.) и периферия (высказывания, лишь по некоторым параметрам совпадающие с ядерными, но допускающие перформативные употребления). Периферийные реализации получают перформативную интерпретацию, «подстраивая» свои характеристики под прототип, т.е. перформативность (как и болевая семантика) задает такое значение, под влиянием которого могут изменяться базовые свойства попадающих в конструкцию элементов.

Примером неядерной перформативной конструкции в русском и других восточнославянских, а также в западнославянских языках могут служить высказывания, представляющие собой речевой акт отказа и состоящие из отрицания и глагольной формы 1 л. Отклонением от перформативного прототипа в этом контексте является, во-первых, лексическое наполнение конструкции (здесь возможны неречевые глаголы), а во-вторых, аспектуальные характеристики глагольной формы – в рассматриваемых контекстах выступают перфективные глаголы (тогда как ядро перформативности образуют имперфективы). Три показательных примера описываемой структуры в русском – выражения *Не дам!*, *Не скажу!* и *Не пущу!*

Глагольные формы в составе этих выражений морфологически представляют собой презенс совершенного вида. Как известно, презенс и перфектив считаются семантически несовместимыми граммемами, поэтому соответствующие формы либо не существуют в языке, либо реинтерпретируются, утрачивая отнесенность к плану настоящего или перфективность (ср. [Malchukov 2009] о «парадоксе перфективного презенса»). В русском языке обычно сдвигается темпоральная семантика – перфективный презенс, как правило, выражает значение будущего времени. Соответственно, именно футуральную трактовку получают вне специального контекста интересующие нас выражения, ср.:

- (7) - *Ну ладно, Торопыжка! - обиделся Незнайка. - Попросишь ты у меня что-нибудь, я тоже тебе не дам.* [Николай Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953-1954)]
- (8) *Конечно, я ничего ей не скажу, это ее убьет* [А. Рыбаков. Дети Арбата (1966–1983)]
- (9) — *Я напоила ее теплым и завтра не пущу гулять, а там посмотрим!* — *отвечала она монотонно.* [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]

Однако в определенных контекстных условиях – а именно, если рассматриваемые выражения служат ответными репликами на просьбу, их временная отнесенность меняется, ср.:

- (10) – *Дай, Захар, фрак, не упрямясь! – Не дам!* – *холодно отвечал Захар.* [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]
- (11) *А вы мне не скажете, откуда вы узнали про листки и про мои мысли? — Не скажу, — сухо ответил Аззелло.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]
- (12) *Ручку двери снаружи в это время крутили и дергали, и слышно было, как курьерша за дверями отчаянно кричала: — Нельзя! Не пущу! Хоть зарежьте!! Заседание!* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

Говорящий здесь отказывается совершить требуемое действие ('дать', 'сказать', 'пустить') или запрещает слушающему уйти не в какой-то временной точке в будущем, как в (7)-(9), а начиная с собственно момента речи и далее – тем самым аспектуально-темпоральную семантику подобных контекстов можно охарактеризовать как проспективный презент. Сдвиг временной отнесенности подтверждают переводы этих выражений на другие языки, часто содержащие формы настоящего времени, ср. примеры из параллельных подкорпусов НКРЯ – немецкий вариант для (10) с формой *gebe* 'даю' (13) и итальянские переводы для (11-12), соответственно, с *dico* 'говорю', и *lascio* 'пускаю' (14-15):

- (13) – *Sachar, gib den Frack her, sei nicht eigensinnig! – Ich gebe ihn nicht her! – sagte Sachar kühl* [пер. Clara Brauner (1960)]
(14) *E non vuol dirmi com'è venuto a sapere dei foglietti e di quello che penso? – No, non lo dico, – rispose asciutto Azazello.* [пер. Vera Dridso (1967)]
(15) *Nel frattempo la maniglia della porta veniva girata e scrollata dall'esterno, e si sentiva l'inserviente gridare istericamente dietro la porta: – Non si può! Non vi lascio passare! Anche se mi ammazzate! Sono in riunione!* [пер. Vera Dridso (1967)]

Таким образом, прагматический сдвиг – в данном случае употребление в качестве речевого акта отказа или запрета, подобно семантическим сдвигам, обсуждавшимся в 3.1-3.2, может вести к реинтерпретации семантики глагольных форм.

Завершая раздел о нестандартных метафорических сдвигах, подчеркнем еще раз, что принятое в когнитивной парадигме определение метафоры как проекции из домена-источника в домен-цель (в терминологии Дж. Лакова) или совмещения концептуальных пространств (в терминологии Ж. Фоконье и М. Тернера) при «сплошном» анализе языкового материала часто оказывается недостаточно операциональным. Непроясненным остается вопрос, какие аспекты исходной ситуации должны проецироваться на производную или какие характеристики этих ситуаций должны накладываться друг на друга. Попробуем формализовать понятие метафорической проекции с учетом проанализированного нами языкового материала.

Метафорическая проекция иногда трактуется как сохранность в домене-цели «когнитивной топологии» сферы-источника, т.е. наследование ее структурного каркаса, включающего в себя набор основных элементов и отношения между ними, ср. сформулированную Дж. Лаковым гипотезу инвариантности (*Invariance Hypothesis*, см. [Lakoff 1990]). Элементы зоны-источника, по-видимому, следует понимать как ее участников – тем самым их основной набор, согласно гипотезе инвариантности, должен воспроизводиться в домене-результате. Иными словами, естественно было бы трактовать проекцию как параллелизм двух областей в отношении актантов ситуации. В этом смысле более операциональным, чем у Дж. Лакова, является определение Е.В. Падучевой, в котором, напомним, метафора подразумевает замену таксономического класса участников – тем самым случаи, в которых меняется сам состав участников, остаются как бы за рамками этого определения. На формальном уровне сохранению участников соответствует тождество синтаксических конструкций лексемы в исходном и производном употреблении.

Помимо элементов (участников) гипотеза инвариантности, как мы отмечали, предполагает и сохранение отношений между ними. Но если элементы домена вполне логично было сопоставить с участниками ситуации, то для межэлементных отношений не так легко найти конкретное языковое проявление. Иными словами, не вполне ясно, что именно должно сохраняться в производных употреблениях, чтобы отношения между элементами можно было считать неизменными. В принципе участников ситуации связывает друг с другом предикат – тогда естественно было бы предположить, что в результирующем домене предикат должен характеризоваться теми же свойствами, что и в исходном.

Если формализовать гипотезу инвариантности таким образом, т.е. исходить из того, что она диктует сохранение набора основных участников и свойств предиката, то наши наблюдения над языковым материалом получают теоретическое подкрепление. С одной стороны, в наших данных немало «идеальных» метафор, действительно сохраняющих исходный набор актантов и базовые характеристики предиката. С другой стороны, типологически регулярны случаи отклонения от «канона», нарушающие идеальное соотношение между доменом-источником и доменом-целью.

Во-первых, изменения могут затрагивать состав участников ситуации (т.е. в нашей интерпретации «элементы»). Некоторые роли могут добавляться при переходе, ср. 'причина боли' и

‘экспериментер’ в сдвигах от звука к болевым ощущениям (рус.: *имель гудит* → *у меня*_{EXP} *голова гудит от недосыпа*_{CAUS}) или ‘результат превращения’ в сдвигах от потери вертикальной ориентации к превращению (ижемск. томи: *сулияыс пöрис* ‘бутылка опрокинулась’ → *ваыс пöрис йиэг*_{RES} ‘вода превратилась в лед’ [Кашкин 2017]). Участники могут, наоборот, устраняться в производном употреблении, ср. начальная и конечная точки движения при переходе от падения сверху к наступлению определенной погоды или времени года, как в тур. *Kalem masadan*_{SOURCE} *yere*_{GOAL} *düştü* ‘Ручка упала со стола на пол’ → *Giiz düştü* ‘Наступила осень’ (букв “осень упала”). Наконец, возможно одновременное устранение одних и добавление других участников, ср. сдвиг от агентивного воздействия к болевому ощущению *пана*_Δ *режет хлеб* → *у меня*_{EXP} *в животе*_{BODY-PART} *режет*.

Во-вторых, при переходе могут изменяться различные свойства предиката (т.е. в нашей интерпретации «отношения между элементами»). Это прежде всего касается, как мы видели, его акциональных характеристик. В частности, на материале глаголов падения (которые рассматривались как источник переносов) и предикатов боли (где интересующая нас семантика – болевое ощущение – представляла результат сдвига) мы наблюдали переходы от предельных динамических ситуаций к стативам, сопровождавшиеся меной морфологических или морфосинтаксических свойств предиката. Особый класс среди рассмотренных нами случаев образуют грамматические изменения, обусловленные не лексическим, а прагматическим контекстом: в составе квазиперформативных конструкций модифицируется темпоральная характеристика глагольной формы.

Наряду с акциональностью сдвиг может затрагивать контролируемость ситуации, описываемой предикатом. В этой связи мы фиксировали как сдвиги от неконтролируемой ситуации к контролируемой, ср. ‘падать’ → ‘вмешиваться в чужие дела’, так и обратное развитие, ср. ‘щипать’ (кого-л.) → ‘щиплет (в глазах)’.

Отдельным предметом нашего обсуждения стала мена оценки от исходного значения к результирующему, в частности, развитие у глаголов падения оценочно нейтральных употреблений. Неконтролируемостью и неожиданностью исходного движения, по-видимому, обусловлена изначальная связь падения с отрицательной оценкой – показательно, что глаголы падения в нашей выборке встречаются именно в контексте самых разных неприятных ситуаций, в которые метафорически «падает» субъект (‘ярость’, ‘подозрение’, ‘бедность’ и мн. др.). Типологически гораздо более редкими оказываются случаи нейтральных состояний, ср. англ. *fall in love* букв. ‘упасть в любовь’, см. также не предполагающую оценочности модель ‘to fall down’ – ‘to get (to), to find oneself (in)’ в Каталоге семантических переходов DatSemShift² - правда, среди ее 8 реализаций некоторые иллюстрируются как раз отрицательно окрашенными ситуациями. Любопытным здесь представляется соотношение двух приставочных дериватов в русском – *впасть*, который сохраняет негативный оттенок ситуации (*впасть в негодование / бешенство / отчаяние*, но не **в радость / восхищение* и т.д.), и *попасть*, допускающий сочетания с разными событиями и состояниями (*попасть в финал vs. в авткатастрофу*). Типологически в рамках этой модели метафорическая связь падения с производными употреблениями лучше прослеживается в тех случаях, когда переносные контексты сохраняют отрицательную коннотацию, т.е. когда оценка ситуации не изменяется от исходной к конечной зоне. В русском эта тенденция усиливается семантической прозрачностью приставки *в-* на фоне неопределенности семантики *по-*, но такое распределение приставок тоже кажется неслучайным.

Итак, результирующие значения могут нарушать когнитивную топологию источника по целому ряду параметров: изменениям подвергается набор участников или свойства предиката – акциональность, контролируемость, оценка. Однако, как мы обсуждали при рассмотрении языкового материала, не все модификации в равной степени нарушают метафорическое подобие домена-цели домену-источнику. Попробуем обобщить эти соображения с точки зрения нашей классификации формальных типов нарушений.

Среди изменений, затрагивающих участников, в большей мере способствует отсутствию метафорического параллелизма добавление или устранение обязательных актантов, как в случае с появлением в модели управления результата превращения (см. выше пример из коми ‘опрокинулся в лед’) или исчезновением из нее прямого объекта (ср. *колет в боку*). Существенно, что и за пределами нашего материала нарушения, затрагивающие обязательных актантов, как кажется, не сводятся к стандартным метафорам, ср. *тащить*, у которого в производном значении появляется обязательная роль стимула (*тащусь от этой музыки*), или многочисленные примеры сдвигов от переходных к непереходным употреблениям, ср. *втыкать* (я как-то не втыкаю, как можно жить в обществе, но не следовать его нормам), *катить* (предложение не катит), *зажигать* (зажигает в клубе), *тянуть*

² <https://datsemshift.ru/>.

(*тянет с ответом*), *мешать* (*мешает папе*) и мн. др., см. [Резникова 2014], о семантических сдвигах в сленге ср. тж. [Розина 2005]. Обратим внимание, что речь здесь не идет о лабильности этих единиц, поскольку значения переходного и непереходного варианта лабильных глаголов относятся к одному семантическому полю, а не к разным, как в нашем случае (о лабильных глаголах см. [Летучий 2013]).

В свою очередь, среди изменений, затрагивающих акциональность, дальше от прототипической метафоры в нашем материале уходят сдвиги от динамических предельных ситуаций к стативам, тогда как переход от непредельных процессов к стативам оказывается не столь радикальным (и, соответственно, в меньшей степени влияет на морфологические, морфосинтаксические и конструкционные характеристики глагола). В области контролируемости, как кажется, метафорическое сходство нарушается в меньшей степени при утрате контроля, чем при обратном развитии. В частности, классическая метафора одушевления может представлять собой переход от контролируемой к неконтролируемой ситуации, тем не менее отношения подобия здесь в значительной степени сохраняются, ср. *человек бежит* → *ручей бежит*, *дети играли на полу* → *тени играли на их лицах*.

Разные типы изменений, которые мы наблюдаем в нашем материале, нередко накладываются друг на друга, усиливая эффект нестандартности перехода. Изменения в составе участников, как мы видели, часто связаны со стативизацией ситуации, т.е. с меной акционального типа предиката, и именно в таких случаях собственно семантический механизм сдвига осложняется действием результативной метонимии (ср. термин «ребрендинг», введенный в наших работах для таких предельных случаев, но систематизация нарушений структурного каркаса домена-источника показывает, что ребрендинг встраивается в более широкий круг явлений, свидетельствующих об отклонении от прототипической метафоры).

В целом «чувствительность» метафорического механизма к каждому типу изменений, сопутствующих семантическим сдвигам, еще только предстоит изучить. Нам здесь важно было в типологической перспективе выявить спектр этих изменений и показать неоднородность класса переходов, обычно трактуемых как метафоры.

4. Нестандартные метонимии

Если метафора в когнитивной парадигме трактуется как переход между семантическими полями, то метонимия считается сдвигом, не выходящим за пределы поля. При этом в основе метонимического переноса, как известно, лежит смежность двух ситуаций. Нестандартность метонимий, о которых пойдет речь далее, заключается в том, что исходная и производная ситуация в этих случаях, будучи смежными, относятся к разным семантическим полям.

4.1. Прилагательные чистоты

Статья, выносимая на защиту: [Печникова, Резникова 2021]

Объектом нашего анализа здесь стали данные славянских языков, которые позволяют не только классифицировать типы систем, но и – за счет когнатов с разной сферой покрытия – проследить механизмы семантического расхождения лексических единиц. Вместе с тем предшествующие исследования поля в широкой типологической перспективе [Архангельский и др. 2011, Печникова 2017] дают возможность оценить степень разнообразия славянских систем.

Структуру поля ‘чистый’ образуют четыре фрейма. Общей для них является идея отсутствия на поверхности объекта или внутри него некоторых сущностей (ср. понятие каритивного признака в [Толстая 2008]). Два центральных фрейма противопоставлены по типу этих сущностей: отсутствовать могут, во-первых, грязь, пятна, мусор (ср. ‘чистая одежда/комната’) и, во-вторых, примеси или добавления (ср. ‘чистое золото’).

Два других фрейма выделяются по типу самого объекта – носителя признака. Так, особыми лексическими средствами обычно описывается чистота объектов, сквозь которые могут быть видны другие объекты (ср. вода, стекло и др.). Такая чистота подразумевает прозрачность объекта. Еще один особый тип ‘чистых’ объектов представляет небо: его чистота обозначает отсутствие туч и облаков.

Типологически различия между системами касаются прежде всего кодирования двух центральных фреймов поля – отсутствия грязи и отсутствия примесей. Они могут коллективизироваться, как в русском, финском или грузинском, или лексически противопоставляться, как в английском, итальянском или корейском. В этом отношении славянские системы ведут себя скорее единообразно – все рассмотренные языки, как и русский, могут описывать чистоту рук и

беспримесность вещества общей лексемой – когнатом русского *чистый*. Некоторое отличие от общей модели наблюдается лишь в западных языках, в которых для описания чистых металлов доминанта конкурирует со специализированной лексемой, причем в польском и чешском/словацком эту функцию выполняют этимологически не совпадающие прилагательные: ср. польск. *szczyry* (*szczere zloto* ‘чистое золото’) и чешск. *ryzí*, словацк. *rydži* (чешск. *ryzí zlato* ‘чистое золото’).

Расхождения между славянскими системами проявляются и в зоне прозрачности. В восточнославянских здесь возможна доминанта, а также специализированная лексема (русск. *прозрачный*, укр. *прозорий*, бел. *празрысты*). В западно- и южнославянских языках эта зона оказывается богаче: внутри нее дополнительно противопоставляется светопроницаемость (‘прозрачное стекло’, ‘прозрачная ткань’) и отсутствие замутняющих веществ (‘прозрачная вода’). В чешском и словацком в это противопоставление встраивается еще и третье прилагательное (*čirý / číry*), характеризующее светопроницаемые объекты жесткой структуры (стекло, хрусталь).

Особый интерес для нас представляет лексема, описывающая прозрачность воды в южнославянских языках. Она восходит к корню *bystr-* (ср. словенск. *bister*, хорватск. *bistar*, болгарск. *бистър*), который в восточно- и западнославянских языках связан с идеей высокой скорости (ср. русск. *быстрый*, польск. *bystry* и др.). Данные южнославянских языков показывают, как семантика скорости могла трансформироваться, казалось бы, в далекое от нее значение прозрачности. Наиболее частотными коллокациями рассматриваемых слов являются существительные, обозначающие природные потоки воды, ср. ‘река’, ‘ручей’, ‘источник’. Для этого класса объектов высокая скорость и прозрачность оказываются смежными признаками: действительно, в быстрых реках вода обычно чистая.

Развивая значение ‘прозрачный’ за счет объектов типа ‘река’, лексемы с корнем *bystr-* далее распространяются на жидкие массы, не подразумевающие перемещения и тем самым исключающие идею скорости. Среди таких масс встречаются как природные объекты (ср. болгарск. *бистро езеро* ‘прозрачное озеро’), так и артефакты, в том числе еда и напитки (ср. словенск. *bistra juha* ‘прозрачный суп (бульон)’, хорватск. *bistri sok* ‘прозрачный сок’, болгарск. *бистър разтвор* ‘прозрачный раствор’).

Таким образом, «внедряясь» в зону ‘прозрачности’, лексемы с корнем *bystr-*, по-видимому, постепенно «потеснили» прилагательные, являющиеся когнатами русского ‘прозрачный’, так что сфера покрытия последних сузилась и закрепились преимущественно за твердыми веществами и изготовленными из них артефактами, что и привело к возникновению описанного выше лексического противопоставления светопроницаемости, с одной стороны, и отсутствия замутняющих веществ – с другой.

История корня *bystr-* в южнославянских языках дает яркий пример перехода, при котором смежность служит основой сдвига с переходом через границы семантических полей. Но это не единственный случай такого рода в славянской лексике чистоты. Вторым примером аналогичного перехода служит чешское прилагательное *čirý* и его словацкий аналог *číry*. Эти лексемы являются когнатами польской лексемы *szczyry*, которая, как мы упоминали, может выражать беспримесность металлов, хотя в современном языке основная область ее функционирования – это нефизические употребления, описывающие искренность эмоциональных реакций (‘удивление’, ‘улыбка’, ‘сострадание’ и др.). В свою очередь, чешское *čirý* характеризует прозрачные твердые объекты (‘стекло’). Исходной для этого корня, по-видимому, является все же не семантика прозрачности, а идея беспримесности, см. у М. Фасмера о связи *szczyry* с лексемами, восходящими к прагерманскому **skeira-*, ср. нем. *schier* ‘несмешанный, чистый’.

Если ‘беспримесность’ первична, то данные о сочетаемости слова *szczyry* говорят о том, что оно постепенно вытесняется прилагательным *czysty* в область переносных употреблений. Менее тривиальной, однако, кажется семантическая эволюция чешского и словацкого когнатов. Ключ к пониманию этого развития дает сопоставление коллокаций с интересующими нас словами в трех западнославянских языках по данным корпусов серии TenTen на платформе Sketch Engine. Из физических контекстов польское *szczyry* «выбирает» драгоценные металлы. К этому же типу употреблений относятся и сочетания с лексемами, называющими другие ювелирные материалы, в частности, бриллианты. Но если польское сочетание *szczyry diament*, почти полностью вытесненное конструкцией с *czysty*, встречается в корпусе лишь изредка, то его чешский и словацкий аналоги, напротив, оказываются довольно частотными.

Вероятно, именно употребления в отношении бриллиантов и послужили переходным звеном семантической эволюции в зону прозрачности. Действительно, чистота бриллианта подразумевает отсутствие посторонних включений и тем самым высокую степень светопроницаемости. Соответственно, в сочетании с ‘бриллиантом’ лексемы *čirý / číry* стали ассоциироваться не только с

беспримесностью, но и с прозрачностью, что и позволило далее применять их к прозрачным объектам, для которых идея беспримесности не релевантна. Заметим, что такой путь семантической эволюции объясняет и синхронную сочетаемость рассматриваемых лексем. Как мы говорили, среди различных прозрачных объектов *čirý / číru* «выбирают» прежде всего ‘стекло’ и ‘хрусталь’ – именно эти объекты по своим внешним характеристикам ближе всего к бриллиантам.

Наконец, третий пример перехода, основанного на смежности, дает чешское прилагательное *ryzí* и его словацкий аналог *rýdzi*. Эти лексемы описывают беспримесность металлов – тем самым они заменили собой прилагательные *čirý* и *číru*. Интересно здесь, во-первых, само появление нового слова для беспримесности, т.е. потребность системы в лексическом выделении этого фрейма, даже если конкретное слово для его реализации было утрачено. Основанием для устойчивости этой структуры, во-видимому, служит ареальное влияние. Хорошо известно, что лексика западнославянских языков характеризуется многочисленными заимствованиями из немецкого, а также калькированием семантических переходов, ср. чешск. *běžet* в значении ‘работать (о машинах)’ по образцу немецкого *laufen* [Скорвид 2005]. В нашем случае влияние проявляется на уровне абстрактной модели: в немецком, как и в ряде других германских языков, засвидетельствован дистрибутивный тип системы в зоне ‘чистый’, ср. *sauber* ‘чистый (без грязи)’ vs. *rein* ‘чистый (без примесей)’. По-видимому, этой германской моделью и объясняется необычная на общеславянском фоне стратегия лексикализации поля в языках западной подгруппы.

Во-вторых, интересно само слово, развивающее семантику беспримесности. Этимология лексем *ryzí / rýdzi* однозначно указывает на то, что исходным для них было значение цвета (ср. русск. *рыжий*, польск. *rdza* ‘ржавчина’). Синхронно семантика цвета полностью утрачена, хотя в словаре SJSČ (1960-1971) это значение еще фиксировалось как устаревшее. По всей вероятности, основанием для перехода послужило представление о цвете «правильного», беспримесного металла (возможно, золота): рыжий цвет ассоциировался с отсутствием в металле посторонних веществ. В результате именно идея беспримесности стала центральной для семантики прилагательных *ryzí / rýdzi*, так что они распространились на чистые металлы, цвет которых уже далек от рыжины, ср. *ryzí stříbro / rýdze striebro* ‘чистое серебро’ или *ryzí / rýdza platina* ‘чистая платина’.

Итак, во всех трех случаях мы наблюдали один и тот же принцип изменений: лексема, выражающее некоторое свойство, употребляется в контекстах, где имплицитруется некоторое другое свойство за счет смежности двух ситуаций. Так, *bister* выступает в сочетании с наименованиями водных потоков, и в таком контексте исходная идея высокой скорости ассоциируется с прозрачностью. *Ryzí* применяется к металлам, рыжий цвет которых свидетельствует о беспримесности. *Čirý* описывает беспримесность материалов, подразумевающих хорошую светопрозрачность.

Далее второе – имплицитруемое – свойство становится настолько значимым для семантики прилагательных, что они начинают употребляться в ситуациях, для которых первый признак уже нерелевантен (ср. соответственно, ‘прозрачное озеро’, в котором вода не движется и не обладает скоростью; ‘чистое серебро’, не предполагающее рыжий цвет; ‘прозрачное стекло’, для которого не значимо отсутствие примесей). В результате первое значение полностью утрачивается, так что восстановить его можно уже только на этимологическом уровне.

Обратим внимание, что близкий механизм эволюции характерен для процесса грамматикализации. Становлению нового грамматического значения обычно предшествует стадия, при которой это значение совмещено в одном контексте с более ранним (ср., например, о развитии причинной семантики у временного *since* в [Traugott, König 1991]).

Стандартным переходам внутри лексической зоны такая постепенность скорее несвойственна. Необычным оказывается и сам механизм переноса. И метафора, и метонимия признаков слов обычно предполагают мену их сочетаемости. При метафоре определяемое заменяется словом другого таксономического класса, так что сдвигается семантика признака (*сухой платок* → *сухой ответ*), при метонимии – словом, связанным с исходным мерологическими или некоторыми другими отношениями, так что признак остается в пределах того же семантического поля (*мягкое сиденье* → *мягкий стул*), см. [Рахилина и др. 2010a]. В любом случае разные значения ассоциируются с разными контекстами (собственно, поэтому переход и не может быть постепенным: подстановка нового существительного сразу дает семантический сдвиг прилагательного). В наших примерах происходит сдвиг значения без резкой смены сочетаемости. В каждом случае есть круг объектов, которые могут характеризоваться данным прилагательным и в исходном, и в производном значении (так, *bister* на некотором этапе семантической эволюции мог применяться как к быстрому, так и к прозрачному ручью).

Итак, на примере зоны *чистый* мы обсудили нестандартные метонимии в применении к признаковым словам. В последующих разделах речь пойдет о глагольной метонимии.

4.2. Глаголы каузированного перемещения ('тянуть' и 'толкать')

Статья, выносимая на защиту: [Sherstyuk, Reznikova 2022]

Если в стативных ситуациях (в том числе соответствующих признакам) межполевая смежность основана на имплицативных отношениях (если река быстрая, то она прозрачная; если бриллиант без примесей, то он прозрачный), то основой смежности для динамических ситуаций оказывается структура события, т.е. выделение в ней нескольких значимых фаз, прежде всего начальной, срединной и финальной. При этом срединная фаза, как правило, соответствует ядерной семантике поля, тогда как начальная и финальная стадия могут сближать данное поле со смежными зонами. Соответственно, профилирование начальной или конечной фазы ситуации может приводить к смещению семантики глагола в сторону «соседнего» поля. Сравнение материала нескольких языков позволяет выявить разные этапы «дрейфа» из одной семантической зоны в другую, а данные родственных языков (здесь, как и в поле 'чистый', мы опирались на славянский материал) отражают исторические переходы между смежными полями.

Глаголы 'тянуть' и 'толкать' описывают каузированное перемещение объекта, при котором прототипически каузатор перемещается вместе с объектом. Движение образует срединную фазу и ядро рассматриваемых ситуаций, тогда как их начальный и конечный этапы могут сближаться с некоторыми другими действиями. Судя по данным славянских языков, значимым для семантических сдвигов оказывается, во-первых, начало действия в случае 'толкать' (контакт субъекта с объектом). Во-вторых, профилироваться может особый тип начального (для 'тянуть') или конечного (для 'толкать') положения объекта, а именно, его нахождение в контейнере, тогда 'тянуть' сходится с извлечением из контейнера, а 'толкать' – с помещением в него. Рассмотрим эти модели смежности последовательно.

а) 'толкать' и контакт с объектом

На начальном этапе субъект соприкасается с объектом, применяя при этом некоторую силу, чтобы объект сдвинулся с места. Если объект при этом одушевленный, то действия субъекта сближаются с ситуацией агрессивного воздействия. Именно эта семантика часто профилируется при семельфактивном деривате русского *толкать – толкнуть*, ср.

(16) *Тот грубо толкнул его в плечо, вытискивая из спальни, оттесняя к лестнице, молча указывая подбородком — убирайся, пошел вон!* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]

Хотя в фокусе здесь оказывается идея агрессивного воздействия (ср. синтаксическое кодирование *в плечо*, характерное для глаголов как раз этой зоны – *ударил в живот, выстрелил в спину* и под.), тем не менее идея перемещения объекта сохраняется, что отражено в более широком контексте. Правда, субъект уже не перемещается вместе с объектом, так что ситуация в целом несколько отличается от прототипа.

Еще более серьезный сдвиг претерпевает, однако, при выделении начальной фазы польский ядерный глагол поля *pchać* (точнее, его дериват *pchnąć*): в некоторых контекстах он полностью утрачивает исходную идею перемещения. Этот эффект особенно заметен в конструкциях, в которых при интересующем нас глаголе выступают имена со значением инструмента, ср.:

(17) *Watson najpierw pchnął go nożem, a potem kilka razy strzelił z bliska.* [Sketch Engine]
'Ватсон сначала ударил его ножом, а затем несколько раз выстрелил с близкого расстояния.'

От исходной семантики *pchać/pchnąć* в (17) остается только начальная фаза – контакт субъекта с объектом (в данном случае этот контакт реализуется при помощи инструмента). Объект при этом не начинает перемещаться, так что глагол в таких контекстах следовало бы относить уже не к полю каузированного движения, а к зоне агрессивного воздействия. Иными словами, исходное и результирующее значение глагола попадают в разные домены, при этом механизм сдвига явно имеет метонимическую природу.

Связь толкания и агрессивного воздействия прослеживается и в диахронической перспективе на уровне когнатов. Так, рефлексом праславянского **тъkati*, по данным М. Фасмера, является, с одной стороны, болгарский *тикам* – один из центральных глаголов зоны ‘толкать’, с другой – русский *тыкать*, подразумевающий воздействие острым инструментом. Более того, этимологические данные показывают следующий возможный шаг этой эволюции – нейтральный контакт, без идеи агрессии (‘касаться’). Такую семантику имеет польский *tykać*. Правда, в современном языке это значение отрицательно поляризовано и реализуется преимущественно в сочетании с наименованиями определенных видов еды, ср:

(18) *W moim przypadku jest tak, że nie tykam żadnych słodyczy, fast food'ów, białego pieczywa i ryżu.*
[Sketch Engine]

‘В моем случае так - я не прикасаюсь ни к каким сладостям, фастфудам, выпечке из белой муки и рису’.

b) ‘толкать’ и помещение в контейнер

Указание на контейнер как цель перемещения (т.е. спецификация типа конечной точки) «уводит» семантику глаголов толкания от прототипа. Во-первых, модифицируются свойства объекта: как правило, речь уже не идет о тяжелом, неподъемном предмете, который перемещается в контакте с поверхностью. Объектами могут выступать самые разные сущности, в том числе и легкие – например, одежда, бумаги и т.д. Во-вторых, сама идея каузированного движения уходит на второй план: профилированной оказывается фаза помещения в контейнер, так что предшествующая стадия - движение - значима здесь не более чем для других глаголов помещения объекта (ср. ‘класть’, ‘ставить’).

Но профилирование контейнера не переводит автоматически глагол каузированного движения в другой домен. Этот переход носит постепенный характер, что хорошо заметно при межъязыковом сравнении. На начальной стадии глагол ‘толкать’ сохраняет идею применения силы – в случае с контейнером это означает, что либо в контейнере недостаточно места, либо входное отверстие контейнера меньше самого объекта. Так, в русском подобные употребления характерны прежде всего для *пихать* (идея помещения в контейнер у *пихать* даже фиксируется в качестве отдельного значения в МАС), ср. *Я беру из вазы две карамельки и пихаю в карман.* [Р. С. Вереск. Воронка // «Волга», 2011], но и для ядерного глагола поля – *толкать* – также встречаются контексты такого рода (хотя гораздо чаще в этой функции выступает его специализированный префиксальный дериват *заталкивать*).

Дальнейшее развитие «контейнерных» конструкций связано со стиранием идеи нехватки места, при этом в качестве «наследия» этой идеи глагол может сохранять оценочность, а именно, представление о неуместности действия (ср. аналогичное значение у русского *совать*, также выражающего помещение в контейнер [Рахилина 2015]). Так, украинский когнат русского *пихать* - *пхати* – возможен в контекстах, где семантика тесноты контейнера полностью утрачивается, ср. о погружении рук в воду:

(19) *Як той рибалка, що йому вирветься з рук жива риба й шубовсне в ріку, то він у нестямі пхає руки в воду, чи не вдасться ще рибу піймати, так вони оба пробували знайти ящірку в траві.* [Лесь Мартович. Забобон (1909-1911) | Лесь Мартович. Суеверие (Г. Шипов, 1951)]

‘Как рыбак, у которого вырвется из рук живая рыба и выскользнет в речку, лезет, не помня себя, руками в воду [букв. “пихает руки в воду”], в надежде еще поймать ее, так и эти оба пытались найти ящерицу в траве’.

Наконец, заключительный шаг в этой эволюции – утрата лексемой исходной семантики: глагол может перестать употребляться в контекстах, описывающих перемещение тяжелого объекта перед собой, и использоваться только в значении ‘помещать в контейнер’. Именно этот этап представляет болгарский когнат русского *пихать* и украинского *пхати* – глагол *пъхам/пъхна*.

(20) *Разтърквах пръстите и дланите си, пъхах ръце в джобовете на балтона, но студът като че проникваше и през шаяка и щипеше болезнено.* [Г. Караславов, Избр. съч. VIII]

‘Я потерял пальцы и ладони, засунул руки в карманы пальто, но холод, казалось, проникал сквозь одежду и больно щипал’.

c) ‘тянуть’ и извлечение из контейнера

Развитие у ‘тянуть’ семантики извлечения из контейнера во многом аналогично тем процессам, которые мы наблюдали в случае ‘толкать’. На первом этапе от семантики перемещения остается идея применения силы, которая здесь подразумевает большой вес объекта или тесно набитый контейнер. Показательно здесь уже сопоставление русских синонимов *тянуть* и *тащить*. Исходно оба они могут описывать действия субъекта, перемещающего объект за собой. В конструкциях с указанием на начальную точку-контейнер чаще выступают их префиксальные корреляты *вытянуть* и *вытащить*, хотя *тащить* в принципе тоже может описывать извлечение тяжелого объекта (ср. *из болота тащить бегемота*). Примечательно, что дериваты *вытянуть* и *вытащить* различаются по степени приближения к семантике извлечения объекта. Если *вытянуть* сохраняет идею плотно заполненного контейнера, так что объект лишь постепенно появляется в поле видимости субъекта (ср. *вытянуть платок из кармана*), то *вытащить* утрачивает ограничения на свойства контейнера или характер движения и употребляется синонимично с общими глаголами этого поля, ср. *вытащить (вынуть / достать) компьютер из рюкзака*.

Финальная стадия такого развития – это опять же утрата исходной семантики перемещения объекта и функционирование глагола в качестве базового глагола извлечения объекта. Судя по этимологическим данным, такую эволюцию прошли глаголы, восходящие к праславянскому **vaditi* во многих южнославянских языках. Для праславянского глагола восстанавливают значение ‘тянуть’ [Snoj 2016], тогда как, например, в сербском и болгарском рефлексы этого глагола выражают извлечение из контейнера (‘вынуть/достать’), ср. болг. *извадя маслото от хладилника* ‘достать масло из холодильника’.

Итак, мы рассмотрели три модели семантических сдвигов от глаголов зоны ‘тянуть’ и ‘толкать’. Все эти случаи можно свести к единой схеме: (1) профилирование начальной или конечной фазы ситуации каузированного перемещения, при котором перемещение сближается с определенным смежным действием, (2) обозначение особого подтипа этого смежного действия (а именно, с применением усилий), (3) утрата идеи усилий и, соответственно, функционирование лексемы в одном ряду с общими глаголами смежного поля.

Существующие теоретические подходы к метонимии, как кажется, учитывают прежде всего сдвиги с профилированием того или иного аспекта ситуации (ее участника или некоторой фазы), см. [Radden & Kövecses 1999, Падучева 2004, Peirsmann & Geeraerts 2006], при этом имеется в виду, что метонимическое значение остается в том же домене, что и исходное. Между тем наши глаголы уже на этом этапе «затрагивают» смежное поле. И все-таки сам механизм сдвига хорошо согласуется с классическими моделями: профилирование за счет изменения синтаксической конструкции (см., например, в [Падучева 2004] о переносе фокуса внимания как семантической основе диатетических сдвигов, ср. *пробить дыру в стене* → *пробить стену*; *Ветер хлопает дверью* → *Дверь хлопает*).

Менее каноническим является, по-видимому, переход от особого типа смежной ситуации к нейтральному обозначению этой ситуации. Такой процесс предполагает стирание частных семантических характеристик действия и тем самым расширение сферы применимости лексемы. Эта эволюция, однако, не укладывается в понятие метонимии или тем более метафоры, как бы выпадая из принятой в современных работах (в частности, в рамках когнитивной традиции) классификации семантических сдвигов. Как мы отмечали, правда, подробные перечни – прежде всего в более ранних описаниях (Paul 1880, Bréal 1897, Ullmann 1967) – наряду с метафорой и метонимией включали и другие типы переходов, в том числе расширение (генерализацию) и сужение (специализацию) значения. Однако эти переходы – в отличие от метафоры и метонимии, – во-первых, не обсуждаются с точки зрения механизмов семантического сдвига, а во-вторых, обычно иллюстрируются примерами из области предметной лексики.

Между тем за пределами предметной лексики генерализация тоже встречается, причем ее модели представляют особый интерес – в силу того, что родо-видовая классификация к этим слоям словаря применима гораздо хуже. Некоторое внимание к семантическому расширению проявляли специалисты по грамматикализации: превращению лексической единицы в грамматический показатель предшествует так называемое выветривание (bleaching), благодаря которому грамматикализующийся элемент расширяет свою сочетаемость. Однако семантическая генерализация, как мы видели на примерах выше (см. также о развитии абстрактного значения ‘делать’ в [Резникова 2022], а также о стирании конкретных компонентов значения в [Апресян и др. 2019]), не ограничивается переходами в зону грамматического.

Смежность, лежащая в основе рассмотренных сдвигов, вскрывает еще одну теоретическую проблему. Речь идет о понятии семантического поля. В классической концепции Й. Трира [Trier 1931], поля – это замкнутые множества связанных по смыслу лексем. Эти множества не пересекаются и не

оставляют «пустых промежутков», так что каждое слово языка должно принадлежать к одному определенному полю. Такому пониманию семантического поля противоречат постепенные сдвиги через границы полей, которые мы обсуждали в этом разделе. Получается, что поля не существуют в изоляции, они накладываются друг на друга, образуя своего рода «переходные зоны», которые и обеспечивают постепенность сдвига.

Еще одним свидетельством наложения полей являются фреймы, для описания которых в типологической перспективе используются лексемы, относящиеся к разным доменам. Примером такого рода может служить фрейм ‘вырывать зуб’. Эта ситуация в русском, польском и словацком описывается глаголом, означающим резкое отделение закрепленного объекта (сорняков, волос, листа из тетради), ср. рус. *вырвать*, пол. *wyrwać*, словацк. *vyrhnuť*. Помимо ‘вырвать’ словацкий может задействовать здесь и глагол ‘вытянуть’ – *vytiahnuť*, эта же модель используется в английском (*pull out*) и немецком (*rausziehen*). Наконец, вырывание зуба могут описывать общие глаголы извлечения объекта (болг. *извадя*, серб. *izvaditi*). Каждая из трех стратегий выделяет свой аспект в структуре ситуации: ‘рвать’ концептуализует зуб как растущий объект, ‘доставать’ – как объект, находящийся в контейнере (десне), ‘тянуть’ подчеркивает направление воздействия – к субъекту. При этом ситуация как бы оказывается принадлежащей сразу трем полям, т.е. является точкой их пересечения. В типологической перспективе случаи подобной конкуренции полей при лексификации одного и того же фрейма довольно многочисленны.

Таким образом, анализ глаголов зон ‘тянуть’ и ‘толкать’ наглядно показывает, что семантические поля не существуют независимо друг от друга, а пересекаются и накладываются одно на другое за счет смежности соответствующих им ситуаций. Эффективным способом обнаружения таких пересечений является сравнительное исследование семантики когнатов и – шире – типологический подход к изучению лексики.

4.3. Глаголы падения

Статьи, выносимые на защиту: [Резникова, Рахилина, Рыжова 2020, Резникова, Мерданова 2020]

Семантическое поле падения дает богатый материал не только для анализа нестандартных метафор (см. 3.1) – метонимические сдвиги в этой зоне тоже примечательны в свете изучаемой нами проблематики. Как и в области каузированного перемещения, мы обнаруживаем здесь случаи «наложения» семантических полей, когда ситуации, осмысляемые в одном языке как падение, в другом концептуализуются как принадлежащие смежному семантическому полю.

Напомним, что в зоне падения мы выделяли 4 фрейма, типологически релевантных для лексических противопоставлений. Наряду собственно с неконтролируемым перемещением сверху вниз, которое образует, по-видимому, ядро поля (об этом, помимо прочего, свидетельствуют данные онтогенеза, см. [Резникова и др. 2020]), мы описывали три ситуации, которые во многих языках попадают в сферу покрытия того же глагола, что и центральная: потеря вертикальной ориентации (‘дерево упало’), падение-разрушение (‘дом рухнул’) и открепление/выпадение из контейнера (‘кольцо упало с пальца’). Каждая из этих трех ситуаций, как и ядерный фрейм, предполагает движение объекта или его части сверху вниз, так что их колексификация с ядром поля вполне объяснима. В то же время эти три фрейма включают в себя помимо перемещения еще какую-то составляющую: соответственно, изменение ориентации в пространстве, отделение от ориентира и разделение на части. Таким образом, при лексическом кодировании этих типов падения на первый план может выходить не перемещение, а другой аспект той же ситуации, т. е. ситуация описывается глаголом смежного семантического поля.

Рассмотрим в качестве примера фрейм потери вертикальной ориентации, который наряду с глаголами падения задействует слова с семантикой поворота. Так, в шугнанском падающие деревья или столбы задаются скорее не центральной лексемой поля падения *wəxtow* ‘падать’, а глаголом вращения *gəxtow* ‘поворачивать’ [Рахилина & Некушоева 2020] (заметим, что и в русском падение одного подтипа вертикально ориентированных объектов – а именно, контейнеров – может описываться словом *перевернуться*, однако в шугнанском глагол вращения, так сказать, «глубже внедрился» в поле падения, покрывая более широкий класс объектов, ср. также о словенском глаголе *prevrniti se* в [Кулешова 2016]). Для нас существенно, что перемещение вниз и поворот представляют собой разные аспекты одного и того же события – потери вертикальной ориентации, так что семантический переход

от одного значения к другому в принципе основан на механизме метонимии. Однако опять же исходная и производная семантика здесь соотносятся с разными семантическими полями – падения и вращения, тем самым наблюдаемый сдвиг отклоняется от стандартных метонимических моделей. В диахронической перспективе мы, соответственно, обнаруживаем примеры полного перемещения лексемы из одного поля в другое, ср. мордовский глагол *велямс*, означающий в мокшанском ‘падать, опрокидываться’, а в эрзянском – ‘кружиться’ [Кашкин 2017].

Таким образом, фрейм потери вертикальной ориентации служит своего рода «мостом», по которому глаголы могут переходить между зонами вращения и падения. Аналогичные «мосты» образуют и два других нецентральных фрейма поля – открепление и разрушение, только каждый из этих «мостов» типологически регулярно связывает падение со своей смежной зоной. Примечательно, однако, что модели смежности в рассматриваемом поле не ограничиваются его периферией, где, как мы отмечали, появление альтернативных стратегий лексификации вполне ожидаемо в силу самой структуры события. Выясняется, что и центральный фрейм поля неоднороден с точки зрения развертывания ситуации во времени.

Наши данные показывают, что в ядерной ситуации неконтролируемого перемещении сверху вниз значимой для лексификации может оказаться не только фаза движения траектора, но и фаза его столкновения с опорной поверхностью – тем самым «конкурентами» глагола падения в центральном фрейме выступают глаголы поля контакта. Так, в шугнанском для ситуаций с профилированием конечной точки (‘ключи упали на землю’) предпочтительным является использование глагола *ǰǰǰow* ‘ударить’, тогда как при указании на начальную точку (‘ключи выпали из кармана’) выступает основной глагол падения *wǰǰow* [Рахилина & Некушоева 2020].

Однако, как это ни удивительно, такого основного глагола падения в языке может и вовсе не быть – и тогда смежные глаголы остаются единственным способом описания любых типов неконтролируемого движения вниз. Эта особенность характерна в нашей выборке для двух лезгинских языков нахско-дагестанской семьи – агульского и рутульского. Несмотря на близкое генетическое родство, системы, функционирующие в этих двух языках в семантической зоне падения, – за исключением самого факта отсутствия специального глагола падения – существенно отличаются друг от друга. Остановимся здесь на агульской системе (о рутульской см. [Наследскова & Неткачев 2020]).

Наиболее широкую сферу покрытия в зоне падения в агульском имеет глагол *-arxas* ‘очутиться’: в сочетании с различными пространственными провербами (прежде всего с *(a)l-*, указывающим на верхнюю поверхность ориентира) он охватывает центральный фрейм – перемещение вниз из более высокой точки пространства, а также падение-открепление. Семантика *-arxas* – как и глаголов со значением ‘ударить(ся)’ или ‘вернуться’ – как будто бы тоже выделяет определенную фазу в развитии ситуации: в результате неконтролируемого перемещения вниз траектор неожиданно начинает находиться в новом месте. Однако соотношение между ‘очутиться’ и ‘упасть’, как кажется, не совсем такое, как между ‘упасть’ и ‘ударить(ся)’ или ‘упасть’ и ‘вернуться’. До сих пор мы видели пары конкретных, наблюдаемых ситуаций, которые оказывались смежными только в рамках определенного события. Семантический сдвиг в этом случае основан на переходе от обозначения одной фазы ситуации к называнию ситуации в целом.

Напротив, ‘очутиться’ относится к глаголам с абстрактным значением – абстрактность здесь связана с тем, что ситуация неожиданного попадания куда-л. подразумевает предшествующее перемещение в это место, но не специфицирует характер самого перемещения. Таким образом, ‘очутиться’ изначально предполагает смежность с некоторым другим – пусть и неспецифицированным – событием. При переносе в зону падения тип перемещения конкретизируется, т.е. в семантике глагола появляется дополнительный компонент значения, который, соответственно, сужает сферу применимости глагола. Иными словами, если материал глаголов каузированного перемещения давал нам примеры устранения конкретных компонентов и тем самым семантической генерализации, то здесь мы наблюдаем случай специализации: по-видимому, частотность употребления глагола *alarxas* (т.е. ‘очутиться’ с суперэссивным провербом) в контекстах перемещения вниз ведет к лексикализации деривата в качестве глагола падения (ср. его включение в качестве отдельной лексемы в словарь [Мазанаев 2014: 16]).

Наряду с ‘очутиться’ в поле падения в агульском функционирует целый ряд других глаголов, заимствованных из разных семантических зон. Каждый из этих глаголов отвечает за некоторый

фрагмент двух оставшихся фреймов. С точки зрения метонимической проблематики интересен прежде всего фрейм потери вертикальной ориентации, который в агульском разделен между тремя лексемами: *-urq'as* 'удариться / столкнуться с чем-л.' покрывает ситуации падения человека, *-adarkas* (связанный корень, для разных дериватов характерна идея движения с изменением ориентации траектора) выделяет падение человека навзничь, *-at't'as* 'отрывать. отделять' описывает потерю вертикальной ориентации неодушевленными предметами и падение человека набок (по-видимому, от исходной семантики корня здесь наследуется идея отделения от опоры). В каждом из этих случаев переход основан на уже знакомых нам механизмах – распространении определенной фазы падения (конечной, как в 'удариться', или начальной, как в отделении от поверхности) на ситуацию в целом или профилировании смежного аспекта движения (в фокусе оказывается не перемещение траектора вниз, а происходящее при этом изменение его ориентации).

Итак, материал зоны падения позволяет продемонстрировать целый ряд моделей метонимической смежности, нарушающей границы семантических полей. Эта простая ситуация движения открывает настолько широкие возможности при выборе стратегии лексификации, что язык, как мы видели, вполне может и вовсе обходиться «альтернативными» описаниями, не имея в своей лексической системе специализированных глаголов падения. Таким образом, наш материал наглядно доказывает, что специфика лексического состава языка необязательно отражает экстралингвистические особенности его функционирования (ср. бедные системы глаголов плавания в языках, носители которых проживают далеко от водоемов). С падением люди сталкиваются независимо от того, в какой точке Земли они находятся, так что в данном случае своеобразие лексической системы обусловлено исключительно внутриязыковыми факторами – выбором определенной стратегии из множества альтернативных способов представления ситуации. Если синхронно доступность разных альтернатив может привести к лакунам в лексической системе, то диахронически она способствует интересующим нас межполевым метонимическим сдвигам.

4.4. Глаголы прятания

Статья, выносимая на защиту: [Резникова 2022]

Доступность разных стратегий лексификации особенно характерна для ситуаций, подразумевающих ясную цель действия. Если язык располагает конвенциональными лексическими средствами для выражения данной цели, то эти средства могут «конкурировать» с обозначением действий, необходимых для ее достижения. К глаголам с лексикализованной целью можно отнести, например, *искать*, *чинить*, *угождать* и интересующий нас здесь *прятать*.

Семантическая особенность этих глаголов состоит в их недоспецифицированности (см. [Geeraerts 2015], ср. также понятие «абстрактных глаголов» в [Плунгян & Рахилина 1990]): характеризуя цель действия, они не указывают на способ, которым цель достигается. Так, в процессе поиска субъект может осуществлять очень разные операции – ходить по комнате, переключать вещи, внимательно осматривать или ощупывать что-л. и т.д., см. [Рыжова и др. (ред.) 2018], и к любой из этих ситуаций применим глагол *искать*. Аналогично, *пряча* объект, можно унести его в потайное место, закопать, накрыть сверху чем-л. и под. Таким образом, множественность способов лексификации предопределена в подобных случаях самой природой ситуации: ее можно описывать в отношении цели, а можно выражать само физическое действие, которое осуществляет субъект.

При этом типологический анализ глаголов прятания, выполненный на материале 28 языков, показывает, что в некоторых случаях «альтернативное» описание – через конкретное действие – оказывается в языке основным доступным способом представить некоторую ситуацию. Подобные ограничения связаны с тем, что глаголы, задающие цель действия, т.е. в нашем случае глаголы со значением 'прятать', типологически различаются по спектру охватываемых ситуаций. Соответственно, лексемы более узкой семантики не распространяются на некоторые типы контекстов, покрываемых в других языках глаголами прятания, и тогда доступной остается только «альтернативная» стратегия лексификации.

Судя по нашим данным, типологическим прототипом прятания выступает ситуация, в которой субъект кладет в тайное место неодушевленный объект для того, чтобы его не нашел контрагент. Иными словами, прототипически ситуация предполагает определенный объект (конкретный

неодушевленный), определенный способ действия (перемещение в тайное место) и определенную цель (чтоб не нашел контрагент). Такая ситуация задается глаголом, который можно считать ядерной лексемой поля. Однако типологически ядерные глаголы прятания различаются тем, насколько далеко они могут отходить от этого прототипа. Наибольшей сферой покрытия характеризуются лексемы, которые могут описывать и любые типы объектов (в том числе абстрактные, ср. мысли, чувства), и любой способ прятания (в том числе, например, случаи, когда объект накрывают, заслоняют или маскируют, не перемещая), а также отклоняться от прототипической цели (глаголы прятания иногда охватывают и ситуации, в которых объект надо сохранить не от контрагента, а от действия какого-либо другого фактора, ср. ‘спрятать продукты в холодильник’, ‘спрятать нож в ножны’, ‘спрятать руки в карманы (от холода)’ и под.). Такой широкой сферой покрытия характеризуется, в частности, арабский *'ahafā*, цыганский (севернорусский диалект) *garavés te* и осетинский *амбæхсын*.

Чаще, однако, ядерные глаголы прятания имеют те или иные ограничения на использование в непрототипических ситуациях. Так, русский *прятать*, как и шведский *gömma*, не охватывает абстрактные объекты (мысли или чувства *скрывают*, а не *прячут*), норвежский *gjemme*, как и турецкий *saklamak*, не распространяется на ситуации, в которых объект не перемещают при прятании (если его накрывают или заслоняют, то используются, соответственно, *skjule* в норвежском и *gizlemek* в турецком), а казахский *жасыру* или корейский *kam-chwu-ta* не выходит за пределы ситуаций с контрагентом.

В некоторых языках ядерные глаголы характеризуются еще более узкой семантикой, обнаруживая ограничения сразу по нескольким параметрам. В частности, немецкий *verstecken* требует канонического объекта и способа действия (т.е. описывает только прятание конкретных объектов путем их перемещения), в кхмерском *leak* применяется только к ситуациям с прототипическим способом и целью действия (задает перемещение объекта с тем, чтобы его не нашел контрагент). Наконец, баскский глагол *ezkutatu*, как и персидский *qāyem kardan*, ограничен по всем трем параметрам, т.е. выражает только прототипическое прятание. Во всех контекстах, не допускающих ядерную лексему, используются другие глаголы.

Для проблематики семантических переходов существенно, какова природа этих периферийных глаголов. В большинстве случаев они представляют собой не собственную лексику поля³, а заимствования из других семантических полей. При этом источники для этих глаголов типологически устойчивы: лексемы из других полей называют способ осуществления действия. Иными словами, если для данной непрототипической ситуации глагол, характеризующий цель действия (т.е. ядерный ‘прятать’), недоступен, то ситуация лексифицируется через описание способа (‘накрыть’, ‘закопать’, ‘положить на место’) – и тогда, строго говоря, она не попадает в зону прятания (ср. использование глаголов типа ‘класть’ в ситуации ‘спрятать в холодильник’).

Типологическая вариативность стратегий лексификации, таким образом, отражает межъязыковую подвижность границ семантического поля. Но границы полей подвижны не только в типологической, но и в диахронической перспективе: один из главных процессов, которые мы наблюдаем в отношении лексики, заимствованной из других полей, — это ее семантическая эволюция, которая приводит к экспансии «чужого» глагола в зону прятания.

С теоретической точки зрения сдвиги такого рода неоднородны, их специфика определяется исходным значением глагола. Более прозрачны переносы от ‘накрыть’ и ‘закопать’: они подразумевают метафорическое переосмысление ситуации, обусловленное заменой таксономического типа участника (в случае ‘накрыть’ в качестве объекта начинает выступать абстрактная сущность вместо конкретного предмета, ср. нем. *Narben verdecken* ‘скрыть/спрятать швы’ → *seine Absichten verdecken* ‘скрыть свои намерения’; в случае ‘закопать’ переинтерпретируется тип среды – вместо земли появляется другое потайное место, ср. *enterró el dinero en la caja fuerte* букв. ‘закопал деньги в сейф’).

Менее тривиальны переходы от глаголов типа ‘класть’ или ‘убирать’. Синхронно мы можем наблюдать только их функционирование в ситуациях, где идея уберечь объект от кого-л. в глаголе не

³ Исключением здесь могут служить глаголы, связанные деривационными отношениями с абстрактным существительным ‘тайна’ или прилагательным ‘тайный’, ср. русск. *таить*, нем. *verheimlichen* ‘утаивать’ (< *heimlich* ‘тайный’), шугнанск. *pinûn čīdow* ‘прятать, скрывать’ (< *pinûn* ‘скрытый, тайный’ + *čīdow* ‘делать’).

выражается. Тем не менее этимологически ряд ядерных глаголов прятания в нашем материале восходят именно к идее помещения куда-л. Так, немецкий *verstecken* образован от глагола *stecken* ‘засовывать’, близкий источник отмечается и для шугнанского *jo(y) čīdow* букв. ‘место делать’ (=‘помещать’) [Рахилина и др. 2021]. Более того, наиболее вероятная этимология для русского *прятать* тоже связывает его с семантикой ‘убирать’ (в частности, о сене, урожае) [Куркина 2002; 2011].

Семантическое развитие основано здесь, однако, не на метафорическом переосмыслении. В отличие от случаев с лексемами ‘накрыть’ или ‘закопать’, где исходная и производная семантика соотносились с разными ситуациями, эволюция от ‘класть’ к ‘прятать’ вообще не меняет ситуацию: одно и то же действие может быть описано и предикатом ‘класть’ (‘убирать’), и предикатом ‘прятать’, просто ‘прятать’ еще и приписывает этому действию определенную цель – чтобы объект не был найден контрагентом. Этой целью действительно в отдельных случаях может руководствоваться субъект, если он кладет объект в труднодоступное место. Исходно необязательный семантический компонент может конвенционализироваться – и тогда у глагола появляется новое значение – ‘прятать’.

Таким образом, переход здесь опять же, как и для ‘очутиться’ в агульском (см. 4.3), предполагает сужение значения (глагол применим уже не к любым типам помещения объекта, а только к таким, где субъект намеренно кладет объект куда-то, где его не найдут). Если пытаться классифицировать этот переход в терминах бинарной оппозиции метафора VS. метонимия, то, с одной стороны, переход от ‘класть’ к ‘прятать’, безусловно, основан на смежности (данные действия представляют собой части одного и того же события) и в этом смысле сближается с метонимией. С другой стороны, едва ли можно считать, что ситуации ‘класть’ или ‘убирать’ образуют одно общее поле с ситуациями прятания – разве что постулировать поле с чрезвычайно широкой сферой покрытия, которое включало бы самые разные физические действия с объектом. Однако обычно поля в семантических описаниях предполагают менее обобщенные категории, ср., например, фреймы в системе FrameNet⁴. Соответственно, в поле ‘прятать’ мы снова сталкиваемся с нестандартной – межполевой – метонимией.

5. Заключение

Статьи, включенные в настоящую диссертацию, посвящены типологическому исследованию нескольких семантических полей – глаголов падения, боли, каузированного перемещения, прятания и прилагательных чистоты – а также прагматической зоны квазиперформативных конструкций. Сдвиги значения, выявленные нами в этом материале, позволяют уточнить и расширить устоявшиеся в когнитивной парадигме теоретические представления об основных типах семантической деривации.

Хотя наиболее подробные из существующих перечней насчитывают более 10 видов сдвигов, обсуждение семантических механизмов сводится обычно к двум переходам – метафоре и метонимии. Метафора стандартно мыслится как проекция из области-источника в область-цель, при которой сохраняется структурный каркас исходной ситуации. Если трактовать элементы этого каркаса как участников, а отношения между ними – как свойства предиката, связывающего их между собой, то окажется, что переходы, претендующие на статус метафорических, образуют крайне неоднородный класс с точки зрения сохранности этого каркаса.

С одной стороны, имеются случаи точного наследования участников и акциональных и интенциональных свойств предиката, с другой – каркас нередко претерпевает изменения: набор участников может расширяться или сокращаться, преобразования могут затрагивать аспектуальное поведение глагола или контролируемость описываемой ситуации. При этом наблюдаемые нарушения в разной степени влияют на отношение семантического подобия: вполне закономерно, что изменение, затрагивающее только периферийные роли, не столь «разрушительно» для прямого метафорического сходства между источником и целью, как добавление или потеря ядерных участников (например, объекта). В свою очередь, переход от неопредельного процесса к состоянию менее «чувствителен», чем развитие стивной семантики от предельного процесса. Примечательно, что утрата контролируемости, как кажется, изменяет ситуацию не так существенно, как обратный сдвиг – от неконтролируемой ситуации к контролируемой.

⁴ <https://framenet.icsi.berkeley.edu/>.

По-видимому, отсутствие метафорического параллелизма между двумя ситуациями заметнее в тех случаях, когда нарушения затрагивают сразу несколько структурных параметров: так, утрата объекта в нашем материале коррелирует с редукцией глагольной парадигмы, сдвигом грамматической семантики формы и т.д. На семантическом уровне производная ситуация в таких случаях обнаруживает сходство не с исходной, а с событием, так или иначе с ней смежным, т.е. наряду с метафорическим включает в себя и метонимический механизм перехода.

Сдвиги метонимической природы, обнаруженные в нашем материале, тоже часто не укладываются в канон, предполагающий, что переходы, основанные на смежности, не выходят за границы семантических полей. Типологический подход выявляет регулярные случаи, когда одна и та же ситуация лексифицируется в разных языках при помощи слов из разных семантических полей. В стативной признаковой зоне такая конкуренция возникает за счет имплицативного отношения между свойствами: наличие одного из них обычно подразумевает присутствие другого (ср. 'быстрый' и 'прозрачный'). В динамических ситуациях альтернативы связаны с профилированием разных фаз их развития (ср. 'падать' и 'ударяться'; 'перемещать от себя' и 'помещать в контейнер') или же с выбором между выражением цели и действия, необходимого для ее достижения ('прятать' и 'убирать').

В диахронической перспективе смежность между полями ложится в основу семантических сдвигов. При этом пограничные ситуации, которые соотносятся одновременно с двумя разными полями, нередко представляют собой лишь один частный подтип ситуаций для каждого поля. Так, 'быстрыми' могут быть разные объекты, но переходными к зоне 'прозрачный' служит контекст рек и других водных потоков. 'Толкать' объект можно с разной целью, заталкивание в контейнер образует лишь один тип такого перемещения. Ассоциируясь тем самым в некоторых контекстах с новой семантикой, лексема далее начинает употребляться в ситуациях, где эта новая семантика выходит на первый план, а исходное значение уже нерелевантно, ср. 'прозрачный' об озере или 'помещать в контейнер' в случаях, не подразумевающих применение силы. Таким образом, переход между полями зачастую осуществляется по «узкому мостику», связывающему две семантические зоны, причем «вступление» на этот мостик подразумевает специализацию лексемы на одном классе исходных ситуаций, а «выход» из него – генерализацию ее значения за счет покрытия широкого набора ситуаций домена-цели.

Особенно наглядно подобные сдвиги прослеживаются в родственных языках, когда когнаты оказываются в разных семантических полях или когда разная сочетаемость когнатов позволяет подробно восстановить потенциальную линию их семантической эволюции.

В целом исследованный материал явно показывает, что сдвиги значений нельзя сводить к двум основным типам в их стандартном понимании. Переходы, к которым применяются термины «метафора» и «метонимия», представляют собой неоднородные множества семантических изменений, которые нуждаются в дополнительной классификации. Типологическая воспроизводимость признаков, отличающих тот или иной класс случаев от канонических моделей, свидетельствует об их регулярном характере и, соответственно, релевантности выделенных классов для семантической теории.

Литература

- Апресян и др. 2019 — Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Драгой О. В., Иомдин Б. Л., Лауринавичюте А. К., Левонтина И. Б., Лопухин К. А., Лопухина А. А., Урысон Е. В. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности. *Русская речь*, 2019, 1. С. 8–17.
- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1988/1995 — Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Ю. Д. Апресян. *Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: Языки русской культуры. 1995. С. 199–241.
- Апресян и др. 1979 — Апресян Ю. Д.; Ботякова В. В.; Латышева Т. Э. и др. *Англо-русский синонимический словарь*. М.: Русский язык, 1979.

- Архангельский и др. 2011 — Архангельский Т. А., Тагабилева М. Г., Холкина Л. С. Качественные признаки ‘чистый’, ‘грязный’, ‘прозрачный’, ‘мутный’: к построению семантической типологии. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 2011, 7(3). С. 257–60.
- Вострикова 2003 — Вострикова Н. М. Грамматикализация глаголов каузации движения и изменения положения в пространстве // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2003»* (Протвино, 11–16 июня, 2003 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2003.
- Карпова и др. 2011 — Карпова О. С., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* (Бекасово, 25 - 29 мая 2011 г.), т. 10., 2011. С. 292–304.
- Кашкин 2013 — Кашкин Е. В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013.
- Кашкин 2017 — Кашкин Е. В. Коми язык и лексическая типология: глаголы падения // *Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник научных статей*. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 86–94.
- Кулешова 2016 — Кулешова М. Л. Глаголы падения в словенском языке: лексико-типологический аспект. *Филологические заметки*, 2016, вып. 14, 2. С. 188–201.
- Куркина 2002 — Куркина Л. В. К этимологии слав. **pręti*. // В. В. Иванов (отв. ред.). *Балто-славянские исследования*. Вып. XV. М.: Индрик, 2002. С. 194–203.
- Куркина 2011 — Куркина Л. В. *Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка*. М.: Азбуковник, 2011.
- Кустова 2004 — Кустова Г. И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Кустова & Падучева 1994 — Кустова Г. И., Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных. *Вопросы языкознания*, 1994, 4. С. 96–106.
- Летучий 2013 — Летучий А. Б. *Типология лабильных глаголов*. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Мазанаев 2014 — Мазанаев Ш. А. *Агульско-русский словарь*. Махачкала: ДГУ, 2014.
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Майсак & Рахилина (ред.) 2007 — Майсак Т. А.; Рахилина Е. В. (ред.). *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М.: Индрик, 2007.
- МАС — *Словарь русского языка*: В 4-х т. РАН, Ин-т лингвистических исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
- Наследскова & Неткачев 2020 — Наследскова П.Л., Неткачев И.В. К описанию семантического поля “падение” в рутульском языке. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2020, 16(1). С. 801–820.
- НОСС 2004: — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна*. М., Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах (Изд. 2-е, исправленное и дополненное).
- Падучева 2003 — Падучева Е. В. К когнитивной теории метонимии // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2003»* (Протвино, 11–16 июня, 2003 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 239–246.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Панина 2020 — Панина А. С. Глаголы падения в японском языке: прямые и переносные значения. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2020, 16(1). С. 968–996.

- Печникова 2017— Печникова В. М. Прилагательные семантических зон ‘чистый’ и ‘грязный’: типология прямых и переносных значений // *Проблемы компьютерной лингвистики и типологии: Сборник научных трудов* 6. Воронеж: Издательский дом ВГУ. 2017. С. 85–97.
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Плунгян & Рахилина 1990 — Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 1990. Сирконстанты в толковании? // Z. Saloni (red.). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990. С. 201–210.
- Рахилина 2015 — Рахилина Е.В. Стилистически маркированные глаголы в русском языке: *совать* – *сунуть*. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2015, 3 (35). С. 73–92.
- Рахилина & Некушоева 2020 — Рахилина Е. В., Некушоева Ш. С. Система глаголов движения вниз в шугнанском языке. *Acta linguistica Petropolitana*, 2020, 1: 579–609.
- Рахилина & Прокофьева 2004 — Рахилина Е.В., Прокофьева И.А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения. *Вопросы языкознания*, 2004, 1. С. 60–78.
- Рахилина & Прокофьева 2005 — Рахилина Е.В., Прокофьева И.А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В.Н. Топоров (ред.). *Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т.М. Николаевой*. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 304–312.
- Рахилина и др. 2010а — Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Е.В. Рахилина (ред.), *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010. С. 396–455.
- Рахилина и др. 2010б — Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Бонч-Осмоловская А.А. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Е.В. Рахилина (ред.), *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010. С. 456–539.
- Рахилина и др. 2020 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. Метафоры глаголов падения // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2020, 16(1). С. 64–112.
- Рахилина и др. 2021 — Рахилина Е. В., Некушоева Ш. С., Арманд Е. Е. К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2021, 80(6). С. 69–78.
- Резникова 2014 — Резникова Т. И. *Слог у автора неплох, реально доставляет*: о нестандартных семантических переходах в глагольной лексике (по данным интернета) // Рахилина Е. В., Ахалкина Я. Э. (ред.). *Современный русский язык в Интернете*. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 169–180.
- Резникова 2022 — Резникова Т. И. Глаголы прятания: типология систем. *Вопросы языкознания*, 2022, 4. С. 66–94.
- Резникова и др. 2020 — Резникова Т. И., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2020, 16(1). С. 9–63.
- Розина 2005 — Розина Р. И. *Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге*. М.: Азбуковник, 2005.
- Рыжова и др. (ред.) 2018 — Рыжова Д. А., Добрушина Н. Р., Бонч-Осмоловская А. А., Выренкова А. С., Кюсева М. В., Орехов Б. В., Резникова Т. И. (ред.). *ЕВРика! Сб. статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 2018.
- Скорвид 2005 — Скорвид С. С. Чешский язык // А. М. Молдован, С. С. Скорвид и др. (ред.), *Языки мира: Славянские языки*. М.: Academia, 2005: С. 234–274.
- Толстая 2008 — Толстая, С.М. *Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. М.: Индрик, 2008.
- Хохлова 2020 — Хохлова Л.В. Семантическое поле падения в трех родственных новоиндийских языках: хинди-урду, панджаби и гуджарати. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2020, 16(1). С. 638–674.
- Шерстюк & Резникова 2021 — Шерстюк А. Ю., Резникова Т. И. О семантической непрерывности: поле ‘толкать’ в славянских языках. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2021, 80(5). С. 21–33.

- Barcelona 2000 — Barcelona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor. In A. Barcelona (ed.), *Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2000, pp. 31–58.
- Blank 1999 — Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change. In A. Blank, P. Koch (eds.), *Historical Semantics and Cognition*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1999, pp. 61–90.
- Boas 2011 — Boas H. C. Constructing parallel lexicon fragments based on English FrameNet entries: Semantic and syntactic issues. In: H. Hedeland, T. Schmidt, and K. Woerner (eds.), *Multilingual Resources and Multilingual Applications. Proceedings of the German Society for Computational Linguistics and Language Technology (GSCL) 2011*, Hamburg. University of Hamburg: Center for Language Corpora, 2011, pp. 9–18.
- Bréal 1897 — Bréal M. *Essai de sémantique: Science des significations*. Paris, Hachette, 1897.
- Brugman 1988 — Brugman C. M. *The story of 'over': Polysemy, semantics and the structure of the lexicon*. New York: Garland, 1988.
- Brugman & Lakoff 1988 — Brugman C. M., Lakoff G. Cognitive topology and lexical networks // G. W. Cottrel, S. Small, M. K. Tannenhouse (eds.), *Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence*. San Mateo (CA): M. Kaufman, 1988, pp. 477–508.
- Bybee & Dahl 1989 — Bybee J., Dahl Ö. The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages. *Studies in Language* 13-1, 1989, pp. 51–103.
- Darmesteter 1887 — Darmesteter A. *La vie des mots*. Paris: Delagrave, 1887.
- Dobrovolskij & Piirainen 2005 — Dobrovolskij D., Piirainen E. *Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam; Heidelberg: Elsevier, 2005.
- Fauconnier & Turner 1998 — Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, 22 (2), 1998, pp. 133–187.
- Fillmore 1976 — Fillmore Ch. J. Frame Semantics and the Nature of Language. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 280, 1976, pp. 20–32.
- Fillmore 1982 — Fillmore Ch. J. Frame Semantics. In *Linguistics in the morning calm*. Seoul, South Korea: Hanshin Publishing Co., 1982, pp. 111–137.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore Ch. J.; Kay P.; O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of LET ALONE. *Language*, 64.3, 1988, pp. 501–538.
- François 2008 — François A. Semantic maps and the typology of colexification: intertwining polysemous networks across languages. In: M. Vanhove (ed.), *From Polysemy to Semantic Change*. Amsterdam: John Benjamins, 2008, pp. 163–215.
- Geeraerts 2015 — Geeraerts D. Sense individuation. In N. Riemer (ed.), *The Routledge Handbook of Semantics*. London & New York: Routledge, 2015, pp. 233–247.
- Goddard & Wierzbicka 2007 — Goddard C., Wierzbicka A. NSM analyses of the semantics of physical qualities *sweet, hot, hard, heavy, rough, sharp* in cross-linguistic perspective. *Studies in Language*, 31(4), 2007, pp. 765–800.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Goossens 1990 — Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. *Cognitive Linguistics* 1, 1990, pp. 323–340.
- Haspelmath 1990 — Haspelmath M. The Grammaticization of Passive Morphology. *Studies in Language*, 14(1), 1990, pp. 25–72.
- Haspelmath 2003 — Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison. In M. Tomasello (ed.), *The new psychology of language*, vol. 2, New York: Erlbaum, 2003, pp. 211–243.
- Heine & Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002
- Kopecka & Narasimhan (eds.) 2012 — Kopecka A., Narasimhan B. (eds). *Events of Putting and Taking: A Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2012.

- Koptjevskaja-Tamm 2022 — Koptjevskaja-Tamm, M. Talking temperature with close relatives: semantic systems across Slavic languages. In E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova (eds.), *The typology of physical qualities*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2022.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff 1990 — G. Lakoff. The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? *Cognitive Linguistics* 1 (1), 1990, pp. 39–74.
- Lakoff & Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Majid et al. 2015 — Majid A., Jordan F. M., Dunn M. Semantic systems in closely related languages. *Language Sciences* 49, 2015, pp. 1–18.
- Majid & Bowerman (eds.) 2007 — Majid A., Bowerman M. (eds.), *Cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective*. *Cognitive Linguistics*, 18.2, 2007.
- Majid et al. 2007 — Majid, M., Gullberg M., Staden M. van, Bowerman M. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages. *Cognitive Linguistics* 18/2, 2007, pp. 179–94.
- Malchukov 2009 — Malchukov A. Incompatible categories: Resolving the “present perfective paradox”. In L. Hogeweg, H. de Hoop & A. Malchukov (eds.), *Cross-linguistic semantics of tense, aspect, and modality*. Amsterdam: John Benjamins, 2009, pp. 13–32.
- Paul 1880 — Paul H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer, 1880.
- Peirsman & Geeraerts 2006 — Peirsman Y., Geeraerts D. Metonymy as a prototypical category. *Cognitive Linguistics*, 17(3), 2006, pp. 269–316.
- Radden & Kövecses 1999 — G. Radden, Z. Kövecses. Towards a theory of metonymy. In K.-U. Panther, G. Radden (eds.), *Metonymy in language and thought*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins, 1999, pp. 17–59.
- Reznikova et al. 2012 — Reznikova T. I., Rakhilina E. V., Bonch-Osmolovskaya A. A. Towards a typology of pain predicates. *Linguistics*, 50(3), 2012, pp. 421–465.
- Riemer 2002 — Riemer N. When is a metonymy no longer a metonymy. In R. Dirven & R. Pörings (eds.), *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2002, pp. 379–406.
- Rzymiski et al. 2020 — Rzymiski C., Tresoldi T., Greenhill S.J. et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. *Sci Data* 7, 13, 2020.
- Snoj 2016 — Snoj M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba ZRC, 2016.
- SSJČ — Havránek B. (hl. red.) *Slovník spisovného jazyka českého*. Praha: ČSAV, 1960-1971.
- Traugott & König 1991 — E. C. Traugott, E. König. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited. In E. C. Traugott, B. Heine (eds.), *Approaches to grammaticalization*. Vol. 1. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1991, pp. 189–218.
- Trier 1931 — J. Trier. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: die Geschichte eines sprachlichen Feldes*. Heidelberg: C. Winters, 1931.
- Ullmann 1967 — Ullmann S. *Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht*. Berlin: Walter de Gruyter, 1967.
- Zalizniak 2012 — Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology. *Linguistics* 50(3), 2012, pp. 634–670.